

Содержание

БЕЛАЯ МЕЧТА.	4
СТРАНА ЛЕДВИКОВИЯ.	7
ЧЁРНАЯ ВОРОНА.	9
В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД.	13
СОРНЯК.	19
ВЗБАЛМОШНАЯ ПРИНЦЕССА.	21
ПОШУТИЛ.	24
ЧИКИ-БРИКИ С ФАРУХОМ ВОЮЕТ.	30
ЛЕСНАЯ СКАЗКА-БЫЛЬ.	32
ЧЬЯ ДУША ЧЁРТУ ПРИГОДНА?	36
КАК НИ СТАРАЙСЯ, ПРАВДУ НЕ СКРОЕШЬ.	40
СТАРОСТЬ И ЛЮБОВЬ.	43
ЖЕСТОКОСТЬ ПОРОДИШЬ – В РАБСТВО УГОДИШЬ.	45
ЛЕЖАЛА ДОСКА У ДОРОГИ.	50
О ЧЁМ КРИЧИТ ЧАЙКА НАД МОРЕМ?	51

Евгений Крымов МАМИНЫ СКАЗКИ

БЕЛАЯ МЕЧТА.

Илья ещё маленький мальчик, а мечта у него светлая и большая. Когда он дома сидит у окна, он совершает никому неизвестные, тайные путешествия...

Вот сегодня, усевшись удобнее, он полетел над морем и увидел в море белый, блестящий, как зеркало корабль. Отражая лучи яркого солнца, тот приветливо качнул мальчику парусами.

– Солнечный корабль! Солнечный корабль! – радостно воскликнул Илья и спросил у капитана, стоявшего на мостике, приветливо помахавшего ему рукой. – Куда вы плывёте?

– Мы из страны мечтаний, плывём в страну Любавию, по заданному тобой курсу! – охотно ответил капитан.

– А можно мне с вами? – с завистью спросил мальчик.

– Даже нужно, без тебя мы собьёмся с курса! – любезно пригласил Илью капитан.

Мальчик гордо стоял рядом с капитаном, примеряя его фуражку, любовался искорками мелькавшими в воде и ему казалось что солнце рассыпалось на мелкие осколки.

Вдруг над ними проплыла тяжёлая чёрная туча, почти коснувшись их белых парусов.

– А куда ты плывёшь, туча? – поинтересовался у неё малыш.

– Меня ждут в стране Суховеев, где властвует жестокий Зной. Он захватил некогда цветущие и благоухающие страны, высушил реки и колодцы, и теперь дети этих, некогда райских уголков, обречены, я должна им помочь!

Тяжело вздохнула туча и плавно, грациозно поплыла дальше.

С глубоким состраданием в сердце мальчика залёг рассказ тучи, и ему тоже захотелось оказать помощь страдающим детям, и он с надеждой спросил капитана:

– Может и мы сможем помочь страждущим?

– Ты можешь прокладывать свой путь куда захочешь! Это твоё право, мой маленький волшебник и повелитель! – ответил ему капитан.

– Тогда меняем курс и плывём за тучей? – обрадовался мальчик.

Сменив курс, прибыли в страну Суховеев, тут же сели на мель.

– Свистать всех наверх! Высадиться всем на берег! – скомандовал капитан.

Когда ступили на землю, горячий песок был так раскалён, что обжигал ноги даже через обувь.

Потрескавшаяся земля гудела, кругом валялись останки погибших животных...

Некогда прекрасный и цветущий, а теперь выгоревший и засохший сад, опутан густой паутиной, скрипел от дуновения прикасающегося к нему горячего, обжигающего ветра.

Рядом с садом стоял колодец, матросы как по команде бросились к спасительному кругу, в надежде напиться и запастись водой, но он был пуст.

Тогда они стали загребать засохшие комки земли и песок.

Пытались расчистить дно колодца, но подтянувшаяся пыль, оседая в горле, затрудняла дыхание, скрипела на зубах, забивала глаза.

Вдруг над ними раздался дикий хохот:

– Что вы здесь ищите? Вы здесь потеряли воду? Как ни старайтесь, её вы не найдёте! Убирайтесь отсюда подобру-поздорову, иначе вы обречены!

– Ты жестокий Зной, но не всесильный, мы тебя победим! И в этом нам поможет туча! – ответил ему Илья, вытирая пот со лба, и облизывая засохшие, потрескавшиеся губы.

Уверенный в себе и в своей силе, Зной расхохотался ещё больше громче и яростней:

– Вашу тучу я высушу за одно мгновение! – И он закричал так сильно, что рябивший от жары воздух загудел как труба, разнёсся по округе глухим эхом: – Братья суховеи, придите ко мне на помощь!

Налетели суховеи, в дикой злобе разгоняли тучу и она, под грозной силой неистовых знойных ветров, становилась всё меньше и меньше, превращаясь в маленькое, беспомощное облачко. Тогда она попросила людей:

– Бегите в горы, разбудите короля Гори, он поможет нам!

Люди последовали её совету, но на них налетели Суховеи, дули, палили жаром так, что обжигали лица, поднимая вокруг них раскаленный песок, бросали в глаза. От палящей жары мучила жажда, в горле оседала горечь, перехватывая дыхание.

Выбившиеся из сил люди падали, теряя сознание.

Зной и Суховеи обмотали обессилевших людей паутиной и бросили в глубокую яму, буквально утопив их в пыли.

Сколько люди пробыли в таком состоянии, неизвестно, только вдруг Илья почувствовал под собой холод и сырость, приведших его в сознание. Он стал ощупывать почву и наткнувшись на воду, неожиданно для себя вскочил, радостно закричал:

– Вода! Вода! – Но у него в голове будто ударило молотом, и он снова потерял сознание.

Услыхав мальчика, капитан силился подняться, преодолевая слабость и головокружение, начал разгребать песок...

Отбросив в сторону груды песка и камней, добрался до маленького ручейка.

Освободившись от груза, ручеек весело зажурчал:

– Спасибо люди, вы спасли мне жизнь! В благодарность за это, я приведу вас к реке Счастья, и она поможет вам добраться до Гори.

Следуя за ручейком под подземным лабиринтам, люди добрались до реки и к великой радости увидели у берега мирно покачивавшиеся на волнах лодки.

Река быстро понесла вниз по течению...

А когда Зной увидел их живыми и невредимыми, с неистовой силой закружил над головами, окончательно рассвирепел:

– Река Счастья, я превращу тебя в стойло грязного и липкого ила! Тогда ты станешь рекой горя и слёз, если немедленно не отдашь мне людей!

Но река ещё быстрее побежала и весело сказала:

– Пока я движима, ты передо мной бессилён, Зной!

– Если не разобьёшь лодки о свои пороги и не выбросишь плывущих на берег, я тебя высушу немедленно!

А река упорно и бурно продолжала бежать, помогая путникам доплыть до величественных, покрытых вечными снегами гор, спрятавших ледяные вершины под оболочкой густых, холодных облаков, ответила Зною:

– Пока обо мне заботятся мои дети, подводные родники и реки, я бессмертна!

– Ты ещё пожалеешь, что помогаешь людям! Я проучу тебя, как перечить великому и всемогущему Зною! – И он завыл, засвистел, снова привязывая Суховея себе в помощь.

Суховеи заметались над рекой, бросая на людей горячее дыхание, но лодка несла их всё быстрее и быстрее...

И вдруг им преградила путь плотина из высохшего ила, река метнулась в сторону но, просочившись сквозь трещины разохшейся земли, стала мелководной, сказала:

– Наберите воды, чтобы вам хватило на весь оставшийся путь, двигайтесь дальше, а я больше ничем помочь не смогу!

Люди поспешили в горы, а Зной и Суховеи неотступно следовали за ними, обгоняли и кружились над головами, угрожающе и злобно выли, поднимая смерчи и столбы пыли с песком, забивали глаза, лезли в уши и рот.

– Я не допущу, чтобы вы дошли до Гори! Вернитесь назад!

Люди упорствовали и на конец добрались до цели, обратились к Гори!

– Гори, проснись! Пока ты спишь, Зной и Суховеи уничтожают и сжигают твою страну!

Посмотри, некогда твой цветущий оазис у подножья, превратился в чёрную, горелую, неспособную к жизни грудку камней!

Гори проснулся, вздохнул так, что горы шевельнулись, земля пошатнулась:

– Если вы смелые, поднимайтесь выше!

Совершенно выбившись из сил, команда поднималась выше, а расвирепевший Зной метнул горячие стрелы своего дыхания на самую вершину горы, растопив вечные снега и льды.

Бурным потоком хлынули горные реки, заливая долину живительным источником. А Гори рассмеялся:

– Текут мои слёзы счастья, несут людям источник жизни! О! Великий и могущественный Зной, постарайся ещё, метни свои огненные стрелы и дыхни ещё раз палящим дыханием!

– Да здравствует Гори! – произнесла туча, набирая силу от испарений горных рек. А когда стала тяжёлой и сильной, загромыхала раскатом, метнув на Суховеев стрелы молний, хлынула на землю крупными каплями...

А метавшиеся в дикой злобе Суховеи, кружась и промокнув под дождём, превратились в тёплый, ласковый ветерок.

Команда вернулась на корабль, счастливы, что всё благополучно закончилось, отправились в следующее путешествие.

Встав на капитанский мостик, Илья и капитан, переглянулись. Капитан ласково и озорно взъерошил мальчику чуб:

– Ты счастлив?

– Ещё как! – ответил малыш с сияющими от восторга глазами.

– Отлично! – отчеканил капитан и добавил:

– А теперь нас с тобой ждёт страна Ледвиковия!

СТРАНА ЛЕДВИКОВИЯ.

Корабль мирно покачивался на волнах, казалось уснувшего моря, и вдруг началась буря. Ударил ледяной ветер и огромные волны, как снежные валы, стали бросать корабль пушинкой.

Солнце спряталось за тучи, стало мрачно и холодно. Ветер усилился, льдины окружавшие корабль со всех сторон, грозились раздавить его.

Мальчик восторгался капитаном, как тот умело и уверенно отдаёт команды рулевому, корабль лавирует между льдин и выходит в безопасное место.

Наконец буря закончилась, и они причалили к берегу. Илья увидел вдалеке знамя, которое развевалось на ветру полыхающим красным заревом.

– Что это такое? – спросил мальчик, указывая на полотнище.

– Там расположилась научная экспедиция, мы для них привезли питание и технику, – ответил капитан.

Команда с трудом пробиравшись к рыхлому снегу на санях, запряжённых собаками. Илья увидел купающихся в море и мирно отдыхающих на берегу серых животных.

И так как дети созданы для вопросов, тут же спросил:

– Кто это?

– Это моржи, – не уставая, отвечал ему капитан.

Животные манёвренно и красиво ныряли, смешно фыркали, отдуваясь, а мальчику показалось, что они говорят:

– Уйди!

– Они недовольные, что мы приплыли сюда? – полюбопытствовал ребёнка у матросов.

– Нет, к человеку они уже привыкли и вполне мирно относятся к нашим визитам. Просто они так между собой общаются, – ответили матросы.

Илья долго и с большим интересом наблюдал за животными...

Вдруг увидел вдалеке огромного, грациозно шагающего, похожего на шевелящийся снежный вал, белого медведя.

– Это Умка? – только успел спросить мальчик, как кто-то вдруг крикнул:

– Смотрите! Смотрите, наш корабль, он уходит в море...

Огромная, наплывающая льдина, будто специально пыталась перевернуть их белый, блестящий корабль.

А корабль, как бы кем-то управляемый, умело отходил в сторону, лавируя, освобождаясь от льдины.

Тогда надвигающаяся на судно льдина отплыла на некоторое расстояние назад и будто кем-то управляемая и подгоняемая ветром, резко ударила о борт корабля, погнав его в открытое море...

– Моя мечта! Мой белый корабль, он погибнет, спасите его! – не на шутку встревожился мальчик.

– Не надо отчаиваться! – дружески обнял его за плечи капитан. – Пока в твоём сердце живёт мечта, и ты будешь стремиться осуществить её, твой корабль не погибнет! Он обязательно вернётся за тобой через любые препятствия и невзгоды!

– Я устал и хочу домой! – стыдливо опустив глаза, чуть не плача, проговорил Илья.

– А ты можешь лететь! – попытался успокоить его капитан.

– Как?.. – растерялся Илья. – Здесь нет ни самолётов, ни аэродрома. Или вы надо мной подшучиваете?

Но капитан вполне серьёзен, и по отечески улыбнувшись мальчику, показал на небо:

– Смотри, сюда надвигается твоя знакомая туча, давай попросим её, и она доставит тебя, куда захочешь. И полетите вы по проложенному тобой маршруту!

– Правильно! – обрадовался малыш. Летать, как и плавать, тоже очень интересно!

Туча низко опустилась, и Илья очень удобно устроился в пуховых подушках, закутавшись в её ультрамариновом одеяле.

Мальчик попрощался с друзьями, туча поднялась высоко над землёй, и они полетели...

А пока летели, туча дарила людям живительную влагу, постепенно превращаясь в маленькое, воздушное облачко...

И вдруг облачко превратилось в белого, с густой гривой коня и они плавно опустились на знакомую Илье поляну, усыпанную цветами, а над ними, похожие на цветы, кружили весёлые бабочки, приглашая мальчика порезвиться с ними...

Илье стало хорошо и весело, он скакал за бабочками на белогривом коне, а на них сверху смотрело солнце и тоже радостно и весело улыбалось.

Вдруг белый конь превратился в красивую белоснежную птицу, взмахнув мальчику крылом, прощально сказала:

– Мне пора лететь дальше, а ты жди меня, я однажды вернусь к тебе, и мы ещё не раз полетаем вместе! – И взмылив вверх, полетела в дальние дали...

Мальчик хотел удержать её, хотел ещё полетать, но тут раздался звонок в дверь. Это мама вернулась с работы.

ЧЁРНАЯ ВОРОНА.

Жил да был царь Сименон с женой и малюткой сыном. Жили втроём, были счастливы и думали навсегда.

Но беда приходит неожиданно-негаданно, как гроза нагрянет, будто молнией в дом ударит и спалит.

Заболела у Сименона жена, скоропостижно скончалась, оставив несчастному крошку сына по имени Тимур.

Долго царь был безутешен, но в одиночестве переживать несчастье вдвое горше, решил он жениться ещё раз.

Прослышал царь, что в соседнем государстве тоже овдовела королева, поехал свататься.

Выслушала его королева, говорит:

– Убей своего сына, тогда за тебя замуж выйду и другого сына тебе подарю! Я хочу, чтобы мой сын стал наследником!

– Тебя только хищницей можно назвать, только хищник способен напасть на детёныша, чтобы утолить свой голод! – возмутился царь и уехал.

Через некоторое время ему доложили, что ещё есть одна овдовевшая королева и имеет дочь, а если свою дочь женщина любит, знать материнское сердце любого дитяти примет.

И поехал Сименон за той королевой.

Вышла Злая замуж за Сименона, зажили вроде счастливо.

Но хитрая Злая, сколько во дворце Сименона живёт, свою дочь больше жизни любит, а царевича возненавидела, да так сильно, что мысль её одна гложет. «Как бы избавиться от мальчишка!» Да так, чтобы её в злодействе не заподозрили.

И вдруг однажды приходит нищенка, просит:

– Отдай мне то, что больше всего ненавидишь!

Обрадовалась Злая и отдала царевича, а сама к Сименону побежала, руки заламывает, за сердце хватается, рыдает:

– Твой сын покинул дворец, ушёл с какой-то нищенкой! А я ему ласки и тепла дарила больше чем родной дочери! Он неблагодарным предателем оказался!

Рассердился царь, в погоню послал. Поискали их, поискали, даже собак по следу пускали, но царевича и след простыл. Так ни с чем и вернулись.

Погоревал царь, погоревал, да так и остался жить с женой и падчерицей.

А женщина, что царевича забрала, волшебница Слома. Она знала тайные замыслы королевы, решила спасти его.

С той поры много дней пролетело, много лет прошло и много времени пролетело. Вырос Тимур, добрым молодцем стал.

И вот однажды говорит Слома царевичу:

– Твоя названная сестра стала красавицей, женихи около неё как пчёлы вьются, решили её родители замуж выдать. Мать-королева придумала такие состязания, молодые люди должны будут убивать друг друга обязательно, кто последним в живых останется, тот будет её мужем. Ты в царский дворец поезжай, но участия в соревнованиях не принимай, в сторонке сиди и молча за королевой наблюдай. Я тебе сундук золота да корзину полную самоцветов дам, ты королеве сокровища покажи, но ничего не давай. Состязания закончатся, домой возвращайся!

Тимур всё сделал, как наречённая матушка велела. Сидит в сторонке, на состязания посматривает, за королевой наблюдает.

И тут подсаживается к нему королева, спрашивает:

– Ты, почему в состязаниях не участвуешь! Королевна что ли не нравится или просто трус?

– За царство, которое мне по праву принадлежит, я могу в честном бою сразиться, если ему враг угрожает! А за царскую падчерицу пусть дураки умирают, если у них других целей нет! А я ни в чём неповинных людей убивать не стану!

– Ах нахал! Царскую дочь не отвоевал, а царство своим называешь! Такого бесстыдства, я отродясь не видывала!

Закончились состязания, Тимур домой собирается.

Злитися королева, что самый богатый и роскошный жених на их дочь не обращает внимания, подарками не одаривает. И решила Злая сокровищами овладеть любым способом.

Подходит к царевичу, заискивающе улыбается:

– Ты верно не так богат, невесте ничего не подарил, сокровища с собой забираешь и сам уезжаешь! А может это и не настоящее всё, а подделка!

– Я так богат, что всё твоё царство-государство могу под своими сокровищами похоронить! Но трон и государство, которое мне принадлежит, я покупать не стану!

От таких слов, Злая самообладание потеряла, ногами затопала, слугам приказала:

– Этого самозванца к удаву!

Делать нечего, не могут слуги королеву послушаться, на то и приставлены, чтобы её капризы да приказы исполнять.

Бросили молодца к удаву в клетку, а Злая сокровища забрала, к царю пришла:

– Этот юноша, что самый богатый, очень щедрым оказался и все сокровища нам отдал, сам домой уехал, ещё привезти обещал!

А у царя сердце забеспокоилось, неведомой силой к молодцу потянуло, спрашивает у разлюбезной жёнушки:

– А ты не знаешь, какого он царства или королевства сын?

Злая небрежно отмахнулась:

– Знать не знаю, и ведать не ведаю, только сдаётся мне, не королевич и не царевич он, а разбойник какой-то! Подумай и ты сам рассуди, в каком таком царстве-государстве, столько богатств и сокровищ отыщется?

Как только царевич в клетке у удава оказался, тот на него набросился, могучим телом обвил, задушить хотел...

Молодец сопротивляется, силу змеиную одолеть не может. Почувствовав, что его жизни конец приходит, отчаянно воскликнул:

– Нет защиты у дитя человеческого, родители бросают, кому не лень обижают, унижают и закон не охраняет, а напротив, извращает. Будто мы не граждане своей земли, а пришедшие неизвестно откуда!..

От таких слов удав оторопел, обмяк, отпустил Тимура и удивлённо спросил:

– Разве люди своих детей бросают? Да ещё и на сиротскую долю обрекают??? В зверином царстве такого безобразия не ведают и такого срама не творят! – И тяжело, тяжело вздохнув, уполз в дальний угол, в клубок свернулся, разочарованно и раздражённо зашипел:

С виду вроде бы разумен,
Дал Бог речь и люд болтает.
Так мудрёно и красиво,
Покумекав, рассуждает.

А делами-то безумный,
Хоть в словах и утопает.
От бездушья и жестокости,

Деток сиротит, бросает!

Жизнь земную и небесную
В хаос, в беспредел ввергает.
Всё живое и цветущее
На погибель повергает!

Вышел царевич из клетки и к мачехе направился, а та увидела молодца, и на весь дворец, истерично закричала:

– Помогите! Помогите, убивают! – Слуги сбежались, а она притворилась, будто в обморок упала. Весь двор всполошился, стараются её в чувства привести. А царица, будто и правда очнулась, грудь свою царапает, платье рвёт и уже не кричит, а визжит: – Этот негодяй меня ограбить пытался, оружием угрожал! Казнить его! Казнить!

Конечно, слуги снова на Тимура набросились, руки скрутили, а царевич им говорит:

– Разве вы своих детей судите и наказываете за то, что они в родной дом возвращаются, с вами жить хотят, тепло сердца родителям дарить?!

Заподозрив что-то неладное, слуги от Тимура отступили, тут уж в самом деле царица в обморок упала.

Взял царевич мачеху на руки, к отцу принёс:

– Отец, я тебе злодейство принёс, суди его!

Как услышал царь, что его молодец отцом назвал, вздрогнул и зарыдал:

– Неужели, правда, что я наконец-то своего сына нашёл?

Царица сразу в чувства пришла и только что-то хотела сказать, как вдруг в окно соловей влетел, на подоконник сел, защёлкал, засвистал и запел:

На родную сторонку прилетел голубочек.
Цысаревич – наследник, мой любимый сыночек!
Только мачеха злыдня, его хочет убить,
Но волшебница Слома зло не даст совершить!

Всё блестящее любишь, как увидишь, крадёшь.
И с прогневшей душой распрекрасно живёшь!
Уготовила мальчику долю сирой бродяжки,
Под пинками, плевками, как бездомной дворяжке.

Но возмездье приходит, в дверь тихонько стучит.
Скромно истина входит – справедливость вершит.
В ком коварство и жадность, зависть – злобу рождает.
Плесень в сердце цветущая, разум напрочь съедает.

Лицемерье, двуличье, чёрной тенью витает.
Подлость – скверной покроет и в ворон превращает.
Триста лет тебе каркать, на судьбину роптать.
На помойках питаться, гниль и падаль глотать!

Тут царица ногами затопала, от гнева чуть не лопнула, на соловья набросилась:

– Кшь, отвратительная птица! Кшь! Я не ворона, я королева! Я не ворона, я королева, я кар,... я кар, кар,... кар... И у всех на глазах стала чёрными перьями обрастать, а вместо рук, крыльями махать, так в ворону превратилась.

До сих пор ворона по свету летает и всему миру доказать пытается, что она королева. И свою страсть ко всему блестящему так и не забыла, воровские повадки не утратила, как увидит, обязательно сопрёт.

В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД.

Баба Яга, Леший, Кощей-бессмертный и змей-Горыныч, хотели весело встретить Новый год. Но у заснеженной, а не сверкающей огнями ёлки и без музыки у них ничего не получилось.

Нет в душе праздника, что хочешь делай. Погрустили, погрустили, повздыхали и вдруг Леший предложил:

– А что ребята, не сходить ли нам на ёлку к детям? У них ёлка гирляндами украшена, огнями, как бриллиантами горит! Сегодня самый лучший праздник на свете, а нам плохо и одиноко! А там музыка играет, дети много разных песен знают, красиво танцевать умеют! А дед Мороз и Снегурочка им разные подарки раздадут! А у нас одна тоска зелёная! Э-э-эх! – горестно вздохнул Леший, мечтательно рассматривая звёзды на небе...

Баба-Яга схватилась за живот и начала хохотать:

– Да ты, Лёшик, спятил! Нас дети и близко к своей ёлке не допустят! Мы за свою жисть столько напроказничали, столько козней натворили, нахулиганничали, они как нас увидят, моей жё метлой нас оттуда погонят!

– Можно подумать, дети сами не проказничали и козней ни родителям, ни учителям не строят! Да если правде в глаза посмотреть, кто из нас похулиганистей!!! – возразил Кощей.

– Правильно, если по шалостям помериться, ещё неизвестно, чья перевесит! – поддержал Горыныч.

– А ты вообще молчи, куда со своим туловищем поместишься? Да ты всех детей подавишь, если вообще в помещение сумеешь влезть, не развалишь его! Как Топтыгин развалил теремок! – махнула на него безнадежно баба-Яга.

– Если я толстый и несуразный, так мне и праздновать что ли нельзя? – обиделся на неё змей-Горыныч и так горестно вздохнул, чуть не заплакал. – А мне так в гости сходить хочется, меня ведь никогда и никто не приглашал!

– Если так в гости хочется, похудей! – предложила баба.

– Я бы с удовольствием, но как! – безнадежно махнул змей.

А Кощей рассмеялся:

– Она у нас бабка мудрая, как насоветует, что ты тремя головами и не сразу сообразишь! А как дел натворишь, опосля и три дня не проживёшь!

– Поговори у меня, брэнчалка костлявая! – погрозила ему Яга.

А Горынычу сказала:

– Ты из себя одним махом жар весь выпусти, станешь стройным, как веточка кипариса!

Все расхохотались, а змей губы надул:

– Из печи жар и золу выгребают, она от этого не худеет!

– А ты попробуй, сегодня ночь волшебная, всё может случиться! – поддержал Леший.

– Ребята, да вы с ума посходили! Если я из себя весь жар выпущу, бумажным змеем стану! Вы хотите, чтобы дети меня за верёвочку держали и по воздуху пускали?

– И что в этом плохого! Дети очень любят бумажного змея. А о трёх головах им будет ещё интереснее, и ты первым из таковых будешь, в историю новых змеиных родов угодишь! – высказала баба своё мнение.

– А вы думали, что с нашим лесом может случиться, если я пыл из себя весь выпущу! Такие фейерверки начнутся, всем чертям будет тошно!

– Что правда, то правда! – поддержали его Кощей и Леший.

Думали они, думали и решили, что змей-Горыныч будет праздновать при ежедневном своём параде.

Стали собираться, гостинцы для детей упаковывать, а баба-Яга свою метлу завести не может.

Поглядел на бабу Кощей, спрашивает:

– А ты вот так и полетишь, в своём ежедневном одеянии?

– А что тебе не нравится? – удивилась старая.

– А то и не нравится! – передразнил её Кощей. – Поглянь на себя, хушь бы платье сменила, лохмотья старые детям на праздник бушь демонстрировать да причесалась бы!

– Ах ты мешок с костями, я платье сменю, а дети меня не узнают, вдруг меня с Еленой прекрасной перепутают, как тогда быть?! А я по торжественному случаю зуб себе вставила, аль не видишь? На триста лет помолодела! – Она кокетливо перед Кощеем покрутилась и рот раскрыла, новый зуб показала.

А Кощей руками от неё стал отмахиваться:

– Фу! Закрой рот, а то тебя за браконьерство посадят, лесной воздух отравишь! Бессовестная, на пасту денег жалеешь!

– Сам ты сквалыга и жадина, на свой-то фрак погляди, до чего поистрепал, рёбра, как через марлю просматриваются!

– Это моё военное обмундирование и боевое снаряжение! – с гордой осанкой, выставив правое колено, подбоченясь, встал перед ней Кощей. – А ты женщина, всегда должна быть при параде, особенно на праздник и немного перед нами кокетничай!

– Гляньте-ка, гляньте на эту побрякушку-трещалку, военным и бравым представляется, а меч-кладенец держать не может! – не осталась в долгу баба-Яга, чтоб не ответить на колкости Кощей. И походкой его передразнила.

– Друзей закадычных критикуешь, ты меня, костяная нога, достала! Ногу смажь, а то к детям придёшь, вокруг ёлки пройдёшься и скрипом своей костяной весь оркестр заглушишь!

– Гляко-сь на это чудо скрежашее, индивида из себя строит, а сам... – хотела пустить очередную остроту баба, но Леший остановил:

– Я смотрю, мы скоро друг другу тумачков наподдаём и синяков наставим, и вместо ёлки, свои физиономии раскрасим! Хватит ссориться, поехали!

– Попридержи свой пыл маненечко, у меня что-то с мотором не ладиться, отремонтирую, двинемся! – отозвалась баба-Яга.

– Тебя прождёшь, на праздник не успеешь! Дай, помогу, – пошёл к ней Леший. – Я твою таратайку быстренько разберу...

– Ага, по частям разберёшь, а потом детали лишние окажутся, прикажешь пешком шкандыбать-спотыкаться! Палка сухостойкая, ты или сейчас схлопочешь, или перестань в мои дела вмешиваться! – оттолкнула Лешего баба-Яга.

– Конечно ты у нас дама импульсивная, от тебя любой гадости ожидать можно! Ни снутри, ни снаружи никакой красоты и привлекательности! – встал на защиту Лешего Кощей.

Баба-Яга новый зуб обнажила:

– Ах ты, красавчик безмышечный!..

Тут опять Леший вмешался, но баба сказать не позволила.

– Кстати, у тебя, Лешак, мох обтёрся, клочками висит, обскоблить тебя не мешало бы! Неужели обтрёпанным на праздник поедешь и перед детьми предстанешь?

– Ага, обскоблится и на праздник голым идти! Эх, и почему Новый год не летом, когда на мне зелёный, свеженький мох вырастает! – почесал бурую, кудлатую бороду Леший.

– Ну, Леший, сейчас и тебе на орехи достанется! – засмеялся Кощей. – Сейчас эта сквалыга длинноносая такую головоломку тебе устроит, все недостатки выскажет, потом и зеркало не потребуется, во всей красе себя увидишь!

Конечно, баба не могла не отозваться:

– Вот куча трухлявых костей, я гляжу, до старости дожил, а жениться так и не смог. Сколько девочек воровал, столько от ты и сбежали!

Сколько они не обменивались взаимолюбезностями, на праздник всё же собрались.

Заявились в город, огней испугались, под фонарём сгрудились и не знают куда дальше идти, совсем растерялись.

А тут вокруг них толпа зевак собралась, интересно на артистов посмотреть, разряженных в сказочные персонажи, надеялись, что собрались здесь представление показать.

А бабу-Ягу это очень разозлило, она метлой на толпу замахнулась:

– Вот рты пораззявили, живой бабы-Яги, что ли никогда не видали! А ну канайте отседа!

А публика плотным кольцом, сжимается, хохочут.

Кощей решил за Ягу вступиться:

– Невидадь какая, как махну мечом-кладенцом, враз всем головы снесу! – И начал своё искусство демонстрировать. Люди, как благодарные зрители, хлопают.

Тут баба-Яга вовсе разозлилась, к змею-Горынычу обратилась:

– А ну змеюшка, а ну злодеюшка, поддай-ка жару этим непонятливым, может, тогда поверят, что мы настоящие да по избам разбегутся!

Змей-Горыныч не заставил себя долго ждать, только сотую долю огоньку пустил, толпы как не бывало, зато тут же пожарные и милиция сбежались.

Доставили «хулиганов» в камеру, Кощей сразу на Ягу набросился:

– Ведьма длинноногая, из-за тебя на праздник не пойдём!

– Заткнись коробка черепная, кость безмешковая!

– Ребята! Ребята, давайте не ссориться! – попытался успокоить их Леший.

– А ты серо-буро-зелёный не встревай, пока я твою патлатую бороду по одной пушинке не повыдергала! – заорала та.

– Гляньте на это уродство, а ещё женщина! К детям на ёлку собралась, а разговаривать не научилась! Шалопайка-хулиганка! У меня от твоих речей уши вянут! Грубиянка невоспитанная! – И прошёлся по камере, вихляясь, передразнивая бабу Ягу.

Тут же баба сдержаться не могла и что есть мочи, вдоль хребтины, метлой Кощей огрела, тот рассыпался.

Как увидела Яга, что натворила, руками всплеснула, завопила, запричитала:

– Ой, ты батюшки, что я утворила, что же я наделала! Кощеюшка миленький, Кощеюшка родименький!

А змей-Горыныч думал, что она притворяется, а не плачет, заорал:

– Как нам теперь без Кощей! Без него ни одна сказка не состоится, не получится! Собирай скорей!

– Вот курица безмозглая! Беспредельщица-беззаконница! – заложив руки на спину, нервно прохаживался Леший.

А баба встала перед кучкой костей на колени, собирая верного друга, продолжала причитать:

– Да на кого ж ты меня горемычную покинул, на этих живоглотов! Да они меня с потрохами сожрут!

– Как же, тебя и без потрохов не сожрать! Проглотить не сможешь, подавишься! А и того хуже, в укусе отмочи да поперчи, а потом через огонь Горыныча пропусти и тогда отравишься! – укорил её Леший.

– Лёшик, не нервируй! Плесень ты наша пенецилиновая, от тебя на весь лес мхом и сыростью воняет! – не замедляясь, ответила баба.

– Делай своё дело, вот соберёшь Кощей, он тебе такую встрёпку устроит...

– Собираю, аль не видишь, я бы быстро собрала, да у меня спина болит!

– Господи, да ты совсем старушка стала... – хотел посочувствовать Горыныч, но баба тут же оборонительную позицию приняла.

– Я старушка?! Сам ты древний, бочка дирижабельная! На одну голову ума не хватает, потому в три соображать больше не можешь!

– Ну когда ты устанешь и угомонишься? – вздохнул Горыныч.

– Сами поджуживают и хороших слов от женщины ждут! – отозвалась та.

– Ну конечно, ты у нас цветочек аленький! – засмеялся Леший.

– Или розочка бархатная! – подхватил Горыныч.

– Хватит под руку каркать, вороны бесхвостые! – рявкнула баба Яга.

Наступила тишина. Леший продолжал нервно расхаживать, а Горыныч в углу притулился, тремя головами сопел.

И вот Кощей ногами и руками зашевелил, попытался встать, но у него из этой затеи ничего не вышло. Вместо правой ноги у него левая рука оказалась, а вместо левой руки правая нога.

– Кошенька, вставай, вставай миленький! – хлопчет над ним баба-Яга.

А тот шеей покрутил, головой повертел, да как заорёт:

– Почему меня кособочит?

– Ничего Кошенька, ничего, это косточки твои по молодости лет пока не окрепли! Но я тебя рёбрышко к рёбрышку на совесть собрала, только косточки твои беленькие плохо закрепила! Ангелочек мой, я сейчас мигом всё переделаю! – лебезит перед ним баба.

– Я те переделаю! Я те переделаю, зуб вставной выдерну, а потом задом-наперёд обратно вставлю! Или ногу здоровую выдерну, на костяной краковяк плясать заставлю!

– Да я всё правильно прикрутила, закрепила, только немного запчастей не хватило! Я сильно спешила, вот и перепутала!

– Как запутала, так и распутывай! Да побыстрее!

– Сейчас миленький, сейчас! – И баба заново Кощея собирать начала, а когда закончила, со стороны на него посмотрела, от восторга ахнула. – Какая ты у нас красатуля! Герой! А выправка-то, выправка молодецкая, бравая и почти кудрявая!

Леший глянул на её изобретение, в ус рассмеялся, а змей Горыныч тихо смеяться не мог, как расхохотался, здание задрожало.

Встал Кощей, а у него лицо на спине, руки вовнутрь ладонями, не как положено, а наоборот...

– Ты чего надо мной издеваешься, мастер-механик ты наш непревзойдённый!!!

А Яга руками развела:

– Чего на беззащитную женщину ругаешься, ну перепутала, сейчас исправлю, неча тут трагедию сочинять!

– Я тебе как сочиню, комедия получилась, театр сатириконт! Как на лоб звезду поставлю, с твоим носом сопоставлю, да под глаз-то сникерсну, красатулей обзову! – возмущается Кощей.

– Я же не нарочно, погоди, скоро ты красавчик такой будешь...

– Что не в сказке сказать, ни пером описать! – подхватил Горыныч, продолжая хохотать.

– Молчи жаровня полуразогретая! – отозвалась Яга.

От смеха Горыныча, стены здания чуть не развалилась, двери раскрылись, послышался голос:

– Всем выходить!

Как увидела баба Яга, что у дверей целая толпа любопытствующих стражников, поправила причёску, заулыбалась, не без гордости показала вставной зуб.

Увидали стражники Кощея, выходящего спиной, а голова впереди, удивились:

– Что это за чудо-юдо невиданное?

– А это наша баба, великий мастер-ломастер, такое чудо из Кощея утварила, – сказал Леший.

Кощей замахнулся на неё, а она поспешно сообщила:

– Я сейчас! Сейчас всё поправлю и все ошибки исправлю! – Голову Кощею покрутила, и тот стал бравым молодцем-Бессмертным.

Увидав перед собой военных, Кощей вытянулся по военному, во фрунт, клацнув зубами, прищёлкнув пальцами:

– Каков молодец?!

Все засмеялись, а главный стражник задумался:

– Хорош молодец, а что мне с вами делать?

Наступила напряжённая тишина, которую баба не выдержала, первой нарушила, ответив за всех:

– Как это что делать, мы на ёлку к детям спешим!

– А хулиганить и играть с огнём не будите? А то, что ни сказка, такое вытворяете...

– Мы не фулюганничаем, у нас роль такая! Это нам по штату положено! – скромно ответил Леший.

– Если так, праздника вам и веселья! – отозвался главный.

– И вам того же! – Счастливые как дети, ответили гости, и приветливо помахав руками, попрощались и поспешили на Новогодний волшебный праздник.

Мы в гостях там побывали,
Мёд и пиво попивали.
Веселились до упаду,
Много разного видали.

Скоморохи, зазывалы,
Акробаты, запевалы.
Юмористы всех смешили,
В свой театр пригласили.

Змей-Горыныч чуть не лопнул,
Громче всех он хохотал.
От души до слёз смеялся,
Головами потрясал.

Побренчал Кощей мощами,
Угостил всех пирогами.
Познакомился с Каркушей,
Подружился с Тёпой, Хрюшей,

Вальс всем конкурс объявил,
Вокруг ёлки закружил.
Неуклюжий крокодил
Удалью всех удивил.

Бабка-Ёжка петь устала,
Юбку подобрала, плясала.
До забвенья веселилась,
Чуть метлу не потеряла.

Закативши свои очи,
Водяной явился к ночи.
Булькал, правда, а не пел,
Развлекался так, пострел.

Дедушка Мороз с Снегуркой
С распрекрасною красой.
Всех подарком одарили,
Веселушкой наградили!

СОРНЯК.

У барина Кондрата жил в услужении юноша-азиат, по имени Алгери.

Алгери никогда не видел и ничего не знал о своих родителях, и как попал в чужую страну, о том тоже ничего не ведал, да и спросить не у кого было.

И вот однажды Кондрат приказывает юноше:

– Я слыхал, что в той стране, откуда ты родом, живёт царица – красавица, на которую раз посмотришь, обо всём забудешь и другую женщину никогда не полюбишь! Если ты мне её сюда привезёшь, я тебя своим наследником сделаю, а не сможешь доставить, не взыщи, из-под земли достану, голову с плеч сниму!

Запечалился молодец, да делать нечего, поехал в неизведанную страну, приказ выполнять.

Долго ли, коротко ли его путь продолжался, наконец, до назначенного города добрался, а его у ворот стража не пускает.

Поведал им Алгери все свои беды без утайки, его впустили, но предупредили:

– Царица наша пребывает в великой печали и никого не принимает!

– Отчего печаль её! – любопытствовал юноша.

– Было это семнадцать лет назад, напали на наш город чужеземцы, страну завоевать не смогли, но много людей истребили, много людей поработили. Попал в плен и наш царь с малюткой – сыном, вот с тех пор царица траур носит!

Вошёл Алгери в светлые царские палаты, увидела его царица и возмущённо воскликнула:

– Как ты попал сюда, дерзкий юноша, кто посмел впустить сюда чужестранца?!?!?

Пал перед ней Алгери, взмолился:

– О, милосердная и прекрасная царица, переживая своё великое и безутешное горе, ты сможешь понять и чужое, выслушай меня, пожалуйста!

По матерински милосердно взглянув на него, царица подняла его с колен, ответила:

– Излагай свою просьбу дитя и если я в силах помочь, то к твоим услугам!

Задыхаясь от волнения, юноша рассказал о задании хозяина.

Внимательно выслушав его, царица ответила:

– Я поеду с тобой, но с условием, если ты будешь сопровождать меня только до половины пути и ждать моего возвращения.

Удивился Алгери столь странному условию, но выбора у него не было, да и не посмел приставать к царице с вопросами, и он согласился.

Приехала царица к Кондрату, тот несказанно обрадовался, а когда заметил, что его слуга отсутствует, спрашивает:

– Где мой раб?

– Зачем тебе раб, ты же вожделел видеть меня? – лукаво улыбнулась царица.

– Я ему сказал, что сделаю его своим наследником при возвращении! – гордо ответил Кондрат.

– И сделаешь? – любопытствовала царица.

– Никогда! – рассмеялся тот.

– Не он тебя привёз, а ты сама приехала! – ещё более гордую позу принял Кондрат.

– Но если бы твой раб не добрался до меня, и не изложил в подробностях твоё указание, и меня бы здесь не было! – не без жалости глядя на него, снисходительно улыбнулась царица.

– Наследником я его всё равно не сделаю! – упрямо, не без злобы ответил Кондрат.

– Но ты же обещал, а слово надо держать, нельзя их на ветер бросать, иначе сам обманутым окажешься и много бед на свою голову наслёшь, – настаивала на своём царица.

– Надо же дурака чем-то потешать! Когда дурака надеждой ублажаешь и самому веселее живётся! – посчитав себя остроумным, расхохотался в своё удовольствие Кондрат.

– А почему ты решил, что он дурак! – строго глядя собеседнику в глаза, спросила царица.

– Потому, что он раб, а раб не может быть разумным и сообразительным! – кичился Барин.

– А кто решил, что этот юноша дурак? – С нарастающим возмущением, не унималась в вопросах гостя.

– Да как ты не понимаешь, он куплен на рынке, как скот, а где ты видела разумную скотину! – устав от её вопросов, начал возмущаться Кондрат.

– Но это мой сын! – тоже возмущившись и устав от его ответов, сказала царица.

– Как ты узнала об этом? – раскрыв от изумления рот, заикаясь, спросил хозяин.

– Секрет материнского сердца! – заслуженно гордо ответила царица и добавила:

– Этого мальчика я заберу с собой, как подобает царевичу, а тебя прикажу поместить в золотую клетку, и ты будешь сопровождать меня повсюду как диковинная обезьяна или попугай!

От таких слов, Кондрат отрезвел от гордыни и упал перед высокочтимой на колени:

– Пожалуйста, не выставляй меня посмешищем, я сделаю Алгери своим наследником, я исполню любой твой приказ...

– Но он же дурак! – усмехнулась в ответ царица.

– Он не может быть дураком, он рождён сыном царей! – рыдая, ползал перед ней Кондрат.

– Но ты ниже меня происхождением и вполне приемлемо, что будешь служить при мне шутком или цепной собакой! – брезгливо пнула его царица, и перешагнув через него, как через бревно, на прощание сказала:

– Ты судишь о людях и ценишь их не по достоинству, а по их происхождению, а такой человек, что сорняк в огороде, нужные и ценные плоды губит, а сорняк плодит.

ВЗБАЛМОШНАЯ ПРИНЦЕССА.

Жила-была принцесса по имени Мария. Красавица и капризница, коих свет не видовал. Женихи перед ней как пчёлы над цветком кружили, а она брезгливо от всех отмахивалась:

– Хочу Ивана-дурака, который шуку поймал и на печи раскатывает!

Долго пришлось слугам по стране рыскать, дураков хоть пруд пруди, а который шуку поймал, не могут найти. Вконец умаялись, отдохнуть решили и тут к ним приходит молодец, спрашивает:

– А умеет ваша принцесса смеяться?

Удивились слуги такому вопросу, а что ответить, не знают, только плечами пожимают.

А молодец не меньше удивляется:

– Вы не знаете, умеет ли Мария смеяться? Тогда поехали во дворец, узнаем! Если не умеет, научим!

– Да зачем тебе это? И разве для государства это важно? – недоумевают слуги.

– Для государства это первостепенная задача! Я шуку никогда не ловил, на печи не раскатывал, смешить всю страну мастерски умею! – ответил Иван, лукаво улыбнувшись.

Когда доложили принцессе, что привезли Ивана, который может не только её и всю страну рассмешить, рассердилась она, ногами затопала, в истерику подалась:

– Олухи! Дураки безмозглые! Делайте, как я вам приказала! Я вас всех казнить велю! –

Всех слуг разогнала, а Ивана повесить приказала.

Повели Ивана на казнь, а он на весь город, что есть мочи орёт:

– Дорогая Марьюшка, почто ты такая жестокая! Зря меня погубить желаешь! Я умею людей бессмертными делать!

Услыхала его Марья, желание изъявила:

– Привести ко мне этого придурка!

Привели к ней Ивана, а она кверху нос задрала, говорит:

– Сделаешь меня бессмертной, помилую!

А Иван, хитро прищурившись, затылок почесал и говорит:

– Сейчас ты для меня посторонняя, так колдовство не получится. Если замуж за меня выйдешь, тогда как надо получится, тогда обессмерчу!

Вышла замуж Мария за Ивана, в цари произвела, ждёт, когда он её обессмертит.

А дурак живёт себе в ус не дует, но однажды Мария говорит:

– Не сделаешь меня бессмертной, завтра повесить прикажу!

– Мы с тобой Марьюшка и так бессмертны! Про нас с тобой столько сказок и побасёнок сложено, как ты дурака полюбила!

Тут принцесса такой бранью разразилась, что Иван уши заткнул. А Марья слугам приказывает:

– Повесить Ваньку!

– Никак не можем, он царём стал, теперь на то его личный указ требуется! – пожимают слуги плечами.

Вконец расстроилась Марья, а потом поостыв, немного подумав, вызывает первую придворную даму и говорит:

– По белу свету езжай, злодея найди, чтобы Ваньку извести!

Поехала Евдоха в командировку по приказу царицы, долго по лесам и болотам бродила. Измождённая по горам и долинам ходила. По дремучим лесам шастала. Только в небо не летала, но наконец с бабой-Ягой повстречалась, на колени перед ней упала, взмолилась:

– Бабуленька-Ягуленька, помоги нашей царице Ивана-дурака со свету сжить!

– Знаю я этих дураков, с ними только свяжись, света белого потом не взвидишь! Да и чтой-то мне ноне неможется, видать грипп подхватила, когда на базар летала! Ты милая, обратись к Кощею, он мужик ещё в силе, можа чем и поможет!

Выслушал Кощей Евдоху и говорит:

– Достань меч-кладенец, тогда Ивана осилю!

– А ты мне талон дашь на его приобретение?

– Ты, видать, баба не в себе, несусветную несуразицу городишь! Какой талон, для чего он тебе?

– Я-то в полном здравии и при разуме, да только у нас ничего без талона не купишь!

– Тогда ничего не знаю, и знать не хочу, сами со своими делами разбирайтесь! – пожал плечами Кощей. – Ты бы к змею-Горынычу обратилась, он паря сурьезный, обязательно чего-нибудь удумает!

Опять бабе горе мыкать да в жилетку хныкать. Поехала змея-Горыныча искать.

Все дороги объехала, все тропинки обошла, нужного злодея нашла, перед ним преклонилась.

Выслушал её Горыныч, посочувствовал:

– Я бы рад помочь, но у меня лимит на топливо закончился! На следующий год приезжай, решим твою задачу! Тогда не только Ивана, всю страну спалим!

– Но я неплохо заплачу! – с надеждой просит Евдоха.

– Это что же получается, я с тебя деньги возьму и на топливо их потрачу, а мне что останется? Нет, так дела не делаются! На следующий год приходи, тогда и дело состоится!

Тут баба отчаянно взревела:

– Я думала, у вас у злодеев порядок, а у вас оказывается, как и у нас. Чтoб чего-то добиться, надо тридцать семь пар обуви износить и до гробовой доски дойти!

Поехала дальше Евдоха. Ехала-ехала, устала, уснула и в густой, непролазый кустарник въехала. Выбраться из него попыталась, но вся в кровь изодралась. Поняла, что не выбраться самостоятельно, кричать начала, на помощь звать.

На её зов соловей-разбойник прилетел, поинтересовался:

– Что ты прелесть моя, по кустам шастаешь, красотуля ненаглядная, клад там выискиваешь?

А когда ему Евдоха объяснила и его на разбой пригласила, удивился:

– У вас своих, доморощенных разбойников не хватает, по заграницам рыщите, импортных ищите?

– Своих фулиганов сверх меры, такого нет, чтобы раз свистнул, и всё к едрене-фене разлетелось, в пух и прах рассыпалось!

Обрадовался разбойник, что в его услугах нуждаются, защёлкал:

– Ух, и разгуляюсь! Столько бед натворю, всю страну разорю и по ветру пушу!

Обрадовалась дама, что её мытарства закончились, расцеловала злодея:

– Разгуляйся милок, разгуляйся! Да так, чтобы всем чертям стало тошно, не только Ивану-дураку!

– Сбежит Иван из царского дворца, ещё как сбежит! Как пить дать, дёру даст! – похваляется разбойник.

К городским воротам подъехали, соловей свистеть начал, да так сильно, что стены дворца чуть не рухнули, зашатались. Завертелось всё кругом, закружилось, стёкла лопаются, мелкими кусочками рассыпаются. Ветер людей с ног сшибает, вихрем кружит и наземь бросает.

Увидел Иван такое безобразие, вышел на балкон, тоже свистнул и соловей-разбойник оглох. Сидит, глазами лупает, головой во все стороны крутит, а что ему Евдоха на ухо орёт, ничего не слышит.

А Иван с балкона пальцем погрозил:

– Ишь артист-юморист, свистун отыскался! У нас серости да мудрецов-свистунов своих хватает, кто красиво свистит, трелями разливаётся, упорно и старательно страну разоряет! И к Марье отправился: – Знаешь Марьюшка, насильно мил не будешь, ухожу я от тебя! Как знаешь, живи, свои ненормальные причуды да желанья исполняй!

А Марья перед ним нос задрала:

– Умница тут выискался! Чего свой нос сунул куда не просили и в женихи не пригласили! Обманом в доверие втёрся, во дворец припёрся, а ещё и в трон уселся! Иди отседова, канай по-хорошему и такую же как ты, аферистку поищи!

Ушёл Иван, Марья обрадовалась и тут же снова клич кликнула, чтоб женихи её сватать приехали.

Время много прошло, один на её клич ответил:

– Ищи дурака, который шуку ловит и на печи раскатывает!

Прочитала Марья эти строчки, взбеленилась. Вызывает первого министра, приказывает:

– Издай указ, чтобы меня женихи приехали сватать!

– Жених-дело добровольное, нельзя такого указа издать! – Пожал плечами министр.

– Делай, как я велю, болван! – Шлёпнула ему по лбу принцесса и ручку с чернильницей подала.

Издали министр указ, а женихи не едут...

Подождала Марья, подождала, а когда все жданные поела, главного советника вызвала, опять приказывает:

– Издай указ: «Кто меня замуж возьмёт, полцарства в придачу»

Главный советник по всему свету указ разослал, а женихи ни за Марьей, ни за царством не едут...

Тогда Марья всю думу на совет собрала, спрашивает:

– Вы не знаете, почему меня женихи не сватают? Разве я уродина? А может заколдованная?

– В том и беда, что красива да чересчур спесива! Молодость и красота уходят, а разум и сердце при их обладателях навсегда остаются! – ответили ей думщики.

– Тогда срочно моего Ивана сыщите и ко мне приведите! – указала пальчиком на дверь принцесса.

Вернули ей Ивана, а она опять нос задрала, приказывает:

– Женись на мне немедленно!

А тот испуганно замахал руками, будто от назойливой мухи, или от налетевшей на него стаи комаров отбивается:

– Э, нет! Дорогая Марьюшка, ты сама сказала, что я дурак! А когда два дурака встречаются, у них семьи не получается! Не будем мы с тобой друг друга дурить и людей смешить!

ПОШУТИЛ.

Поспорили сыновья царя Досифея.

Старший, Иван, говорит:

– Я самый сильный, самый ловкий и самый меткий!

– Нет, я! – кричит средний, Пётр.

А младший, Гаврила, сидит и молчит.

– А ты что же, ничего делать не умеешь, чего помалкиваешь? Скромника из себя корчишь! – смеются над ним братья.

– Нет. Я ещё мал да не удал! – усмехнулся в ответ Гаврила.

Иван Петру предлагает:

– Давай в стрельбе состязаться! – Вышли братья на широкий луг, в подзорную трубу глянули, увидели берёзку, в неё метиться начали...

– Велико дело, в берёзку попасть! Вы так попробуйте, чтобы стрела по заданному курсу вокруг земли несколько раз пролетела и к вашим ногам, вернулась! – смеётся Гаврила.

– Мал ещё учить-то! – цыкнули братья. – Пошли с нами на охоту, вот там своей ловкостью да удалю докажи, на что способен, а не балабол!

– Велико дело медведя завалить! Я слышал, что хозяин гор, каждый день вершины представляет, с ним бы силами помериться.

– Много ты знаешь! – обиделись братья.

С охоты вернулись, по медведю принесли.

– А теперь давайте на смекалку поиграем, пойдём к отцу, он задачу задаст! – предложил Пётр.

Выслушал их отец и говорит:

– Погодите, тут такая заваруха, подумать требуется! – Пока думал, соображал старик, ему слуги доложили:

– Заморский король Чики-Брики в гости пожаловал!

Встретили гостя, а тот весь из себя важный. Разуменьем кичится, собою гордится и какой грамотный, хочет похвалиться. По-немецки шпрехает, по-французски балакает, по-гречески лопочет, по-английски балаболит, по-турецки бекает и по-русски несколько слов знает.

Как этикет предполагает, Досифей с сыновьями пригласили гостя на охоту.

Заехали в дремучий лес, на берлогу медведя набрали, в рожок заиграли, чтоб зверину из лежища выманить.

Не выходит медведь, тогда иностранец несколько русских слов произнёс. Окружающие уши заткнули, а медведь выскочил и в ответ королю:

– Ты чего мне спать мешаешь, растяпа!

– Что ейст растрёп? – поинтересовался гость.

– А это выше, чем ваше величество! – ответил ему Гаврила.

Польщённый такой честью, в знак благодарности, король хотел медведю лапу пожать. А косолапый не знаком с человеческими любезностями, подмял под себя короля. Не оказись рядом братьев, изодрал бы до смерти.

Вызволили из звериных лап, у короля со страху глаза из орбит повылезали, одежда изодрана, ключьями болтается. Роскошный парик с головы слетел, лысина алмазным блеском разливается.

– Ну, чисто растрёпа! – смеются братья.

– Ещё охотиться будем? – спрашивает короля Досифей.

– Не-е-е-ет! – дрожит король и спрашивает, показывая на медведя: – Этот как называйт?

– Это медведь, а вот зайца встретим, так тот пострашней зверина! – говорит ему Гаврила.

– Зачем зайца! Не надо зайца, мне этот медена хватит! – замахал руками Чики-Брики и от страха чуть в обморок не упал.

– Не слушайте его, он пошутил! – решил успокоить гостя Досифей.

– Что это пошутил? – не понял гость.

– Шутит, что-есть смеётся! – пояснил ему царь.

Погостил Чики-Брики, отдохнул и восвояси укатил.

Только гостя проводили, тут на царство Досифея беда обрушилась. С Юга на них хан-Фарух ополчился. С Севера король Вихрей высадился, с Запада император Чертополох войной спешит.

Расстроился, пригорюнился Досифей, а Гаврила его успокаивает:

– Ничего батюшка, выдюжим, у нас ещё четвёртая сторона имеется, она и выручит! Я на Юг поеду, с ханом Фарухом встречусь, скажу ему, будто Вихрей нам пушки и порох доставил, чтобы его, Фаруха разгромить! Иван пусть к Вихрею скачет да предупредит, будто Фарух на торг нам хлеб привёз, чтобы его войска голодали! Пётр пусть навстречу Чертополоху спешит да во все трубы трубит, что, будто Фарух с Вихреем на нашей стороне воевать, согласны, против него дула повернули!

А пока мы время выиграем, да пока враги разберутся да поймут в чём дело, ты батюшка на четвёртую сторону скачи. Перед народом поклонились, всю правду им раскрой, клич кликнешь, рать несметная соберётся, восстанет народ, свою родину на поругание да себя на растерзание не отдаст!

Приехал Гаврила к хану Фаруху и как сказал, что Вихрей порох да пушки в распоряжение Гаврилы предоставил, побагровел от злости, последними словами обругал и воевать против Вихрея поспешил.

Фарух на Вихрея рьяно, из всех пушек запалил, а Вихрей ответный огонь открыл...

Тут и Чертополох подоспел, а с кем и против кого воевать, не знает и не думавши, взял да и против всех, во все стороны огня пустил...

Так Досифей с сыновьями войну обошли, зато крепкую, надёжную дружину собрали и с той поры зорко свои границы охраняли.

По прибытии домой, победу не победу, а что врага обхитрили, отметить решили. За праздничные столы чинно расселись, а тут, откуда ни возьмись, вихрь налетел, Гаврилу подхватил и унёс.

Принёс вихрь Гаврилу и под ноги хана Фаруха бросил.

Увидел хан царевича, обрадовался, и гордо восседая, воскликнул:

– Я великий из великих! Я непобедим! Я...

– Ты конечно умный хан и знаешь, что себя не похвалишь, как оплётанный, обгаженный сидишь! – не дал ему Гаврила договорить, чтоб разговор поддержать.

– А я вовсе не хвалюсь, сам себе признаюсь, что в моём ханстве нет таких смекалистых. Я тебя главным визирем-советником назначу, ещё величественнее и могущественнее стану!

– Ты не меньше меня смекалистый и хитрый хан, но одного не учёл, что не подобает царевичу в визирях служить. Мне по роду и по чину не меньше, как полцарства положено! – усмехнулся и почесал затылок Гаврила.

– Ишь куда метишь! Под моей славой подписаться хочешь! – Более величественную позу принял Фарух.

– Слава твоя невеличка, почёта вовсе не вижу, чтоб под ними имя своё обозначить, а вот гордыня и спесь из тебя фонтаном хлещут, брызгами рассыпаются! А гордыня и спесь в едином обличии ходят, за собою пальчиком помянут, а потом поглумятся, в бесчестие заведут, да и в грязную яму забросят!

– На себя посмотри да бревно из глаза вытащи, гордость из тебя со всех сторон так и прёт! – упрекнул Гаврилу Хан.

– Я не гордый, а свободолюбивый! – поправил его царевич.

– Я много стран завоевал, покорил, поработил, скоро и твоим царством завладею да под пятку положу! – никак не мог успокоиться Фарух.

– А с натуги пуп не развяжется! – усмехнулся Гаврила.

Тут уж Фарух разозлился:

– Моё терпение иссякло! Не хочешь покориться и добровольно мне служить, я из тебя послушного барашка сделаю! Гордость и заносчивость из тебя вышибу! – И визирям строго приказал:

– Приковать его к столбу позора! Ночь простоит, устанет, а как утро настанет, голову на солнцепёке не прикрывать! Пить начнёт просить, пусть каждый прохожий плюнет на него! Да зорко за этим проследить, кто ослушается, того казнить!

Хлопоты не заставили себя долго ждать, всё чётко, исправно исполнили.

Простоял молодец всю ночь, ноги затекли, ноют, болью аж до сердца достают. Солнце взошло, нещадно палить начало. У Гаврилы от жажды в горле пересохло так, что дышать тяжело, во рту как огнём палит. Огоньки в глазах мерцают, голова кружится, а он стойко держится, пить не просит, терпит, молчит.

И вдруг видит, горожане забегали, засуетились, залопотали. От ханского дворца до городских ворот ковровые дорожки расстелили. Фарух при параде, на крыльцо вышел, высоко гостя встречает.

Глядит Гаврила, а это Чики-Брики въезжает.

Встретил хан гостя и перво-наперво, повёл достопримечательности обозреть.

Увидел король Гаврилу, через лорнет внимательно со всех сторон рассмотрел. А как убедился, что не ошибся, очень удивился:

– Это же Пошутил! Как он здесь окажит? Что делает? – засыпал вопросами хозяина.

– Какой ещё Пошутил? – Не меньше удивился хан, а у самого сомнения в душу закрались, думает: «А может моя сестра Варуха, чертяка старая, сослепу что-то перепутала да не того мне принесла?» Приказал отвязать молодца, во дворец доставить, до выяснения личности оставить.

В честь высокого гостя хан пышный праздник с обильным ужином устроил.

Приятно заморскому королю слух музыкой ублажать, а приятней на танцующих красавиц молоденьких взирать, но Фаруху говорит:

– Я хочет, чтобы Пошутил с нами пообедайте.

Делать нечего, не зря же гостя пригласил, в любезностях рассыпается. Частыми набегами и войнами страну разорил, по ветру пустил, а сердце злобой потешать хочется. Вот и решил у Чики-Брики помощь и поддержку найти, чтобы Досифея наказать, что как мальчишку вокруг пальца обвёл, объегорил, да против союзников воевать заставил. А больше всего его душе ни сна, ни покоя нет, когда страну богатую и процветающую видит, сердце щемит от желаний, чтоб её завоевать, разорить и разграбить, тогда вдоволь своё величие потешит.

А когда желанье есть, а возможностей нет, надо кого-то в друзья и союзники себе назначить, на свою сторону переманить. А тогда необходимо много лгать, лебезить, его желанья упреждать, угождать, да капризам потакать.

Насытившись винами крепкими, угощениями сладкими да зрелищем азартным, Фарух курительные трубки предложил.

Гаврила от своей отказался и Чики-Брики предупредил:

– Трубку не кури, задуришь!

– Что это задуришь? – не понял король.

– Будешь пьян и нос в табаке! – пояснил Гаврила.

– Я ейст не хочет носом в табак! – бросил трубку король.

В полумраке, под тихую и приятную мелодию, девушки-красавицы бёдрами выкрутасы выкручивают, бренделя-кренделя выделывают, нежно позвякивая украшениями...

– Выбирайте любую в подарок! – предлагает хан гостям.

– Не бери, беду на себя накличешь! – опять предупредил короля Гаврила.

Но у Чики-Брики, при виде юных созданий, голова вскружилась, а сердце, хотя и млеет, но учащённо бьётся. Глаза, как у голодного волка при виде добычи разгорелись, а девушки одна краше другой...

Выбрал Чики-Брики себе красавицу, а Фарух говорит:

– Красавицу эту получишь, если испытание выдержишь. Я тебя к стене поставлю а Пошутит стрелу выпустит. Стрела в тебя не попадёт, войском мне поможешь, а попадёт, красавицу получишь!

– Гостей так не принимайт! – завопил от страха гость, а Гаврила его успокаивает:

– Моя стрела вокруг земли три раза облетит, через три дня вернётся, к твоим ногам упадёт! – Натянул молодец тетиву, стрела с песней над головой короля пролетела, в открытое окно вырвалась и из виду скрылась.

– Почему так плохо стреляешь? Куда стрела твоя делась? – возмутился Фарух и вдогонку Варуху отправил...

Вихрем вскружилась старуха – Варуха, за стрелой полетела, но поймать не смогла, только в скорости её подогнала.

К вечеру стрела возвратилась и не к ногам Чики-Брики упала, а в спину хозяина угодила.

Завопил от боли Фарух, на Гаврилу с бранью набросился...

– Сам виноват, траекторию движения нарушил! – спокойно ответил Гаврила.

А Чики-Брики с радостью воскликнул:

– Он пошутит! Он пошутит!

– За такие шутки я прикажу его вздёрнуть! – взбесился хан.

– Я ейст его выкупайт! – предложил Хану король.

– Он не пленник, не продаётся! – ответил Фарух.

– Тогда не имеешь права вешайт! – обрадовался Чики-Брики.

Наступила ночь, Чики-Брики в опочевальню привели, а у него в постели кто-то лежит. Обрадовался гость, что с юной красавицей ночь проведёт, поспешно одеяло откинул, а на него беззубый рот оскалился, древней старухи.

Чики-Брики хотел от старухи убежать, а та за ним погналась. Так всю ночь пробегали. Король от ведьмы старой, а та за ним, пока Чики-Брики без сил на пол не свалился. А как упал, старуха его за шиворот схватила и к хану поволокла. Бросила к ногам Фаруха, истерично завопила:

– Этот негодяй меня всю ночь домогался! Накажи его!

А Чики-Брики от неё отбивается, и тоже в истерику ударился:

– Этот ведьма древний мне не нужен, мне тот молоденький девушка мил!

Тут старуха в молодницу-красавицу превратилась, а Фарух расхохотался и над гостем потешается:

– А такая тебя устроит?

– Такой нравится! Такой мне приятен! – искренне восхитился гость. А та опять в старуху превратилась, на шею к Чики-Брики набросилась, со страстью целует.

Чики-Брики от неё отбивается, на Фаруха ругается:

– Я ейсть уезжайт! Парик и штаны мои королевские верните!

Видит Фарух, что гость не на шутку оскорбился, обиделся. Решил успокоить гостя:

– Не сердись, я пошутил!

– Когда Гаврила пошутил, он от меня медена гонял, а потом его шкуру мне дарил! А ты старый древний, как сама жизнь, мне старуха подсовал! Я ейст уезжайт немедленно! – не может никак успокоиться гость.

Но Фарух строго возразил:

– Пока против Досифея военный договор не подпишешь, я тебя казнить прикажу, за посягательство на честь моей сестры!

– Против Пошутил я воевайт не будет! – категорично утвердился во мнении Чики-Брики.

Тогда Фарух ему злобно пригрозил:

– Если договор не подпишешь, оба в петлях болтаться будете, а подпишешь, я его с тобой отпущу!

– А этот вопрос я с Пошутил решайт! – категорично заявил Чики-Брикии.

Выслушал Гаврила короля и говорит:

– Срочно договор подписывай, иначе во век отсюда выбратся не сможем!

– Но я не хочет быть предатель другу! – растерялся король.

– Ты подпиши, бумага всё стерпит, а предателем можешь и не быть, там уж думать да кумекать начнём, когда дома окажемся! – уговаривает Гаврила заморского короля.

Что делать, когда в безвыходное положение попадёшь, на любую хитрость пойдёшь. Подписал Чики-Брики военный договор с Фарухом, и домой поспешили.

Как из города, в чистое поле выехали, глядит Гаврила, погони за ним нет, говорит королю:

– Меня Фарух так просто отсюда не выпустит, ты домой езжай а я возвращусь.

– Я никуда без друга не поехайт, Фарух и меня может возвращайт, про тебя спрашивайт...

– И верно! – поддержал его Гаврила.

Они город вокруг объехали, с другой стороны обратно вернулись. В нищенские одежды обрядились, в бедной лачуге поселились.

А Фарух рассчитал, когда они в чистое поле заедут, чтоб не было свидетелей, снова Гаврилу похитить, думал, что тот верхом быстрее Чики-Брики поскачет, поспешит отцу о нападении предупредить. Снова старуху – Варуху за ним вдогонку послал.

Поспешила Варуха, найти путника не смогла, вернулась, Фаруху доложила:

– Даже их следов нигде не обнаружила. Наверное, на ковре-самолёте улетели! Зато братьев Пошутила встретила, на выручку брата спешат!

– Я им «пышную» встречу устрою! – обрадовался Фарух.

Встретил Фарух гостей, делает вид, что очень рад. Напоил, накормил и курительные трубки подсунул.

Ничего не подозревающие гости, в искренность Фаруха поверили, с удовольствием трубками затянулись, мертвецким сном заснули.

А как гости уснули, хан приказал:

– Обезглавить!

Но, с той минуты, как Гаврила тайно в городе поселился, зорко за дворцом Фаруха наблюдал и видел, как его братья за его дверью скрылись.

Пока Иван и Пётр гостеприимством и угощениями наслаждались, он в лачугу, где остановился, поспешил, там с ног до головы сажей вымазался, наизнанку тулуп вывернул, на себя одел и назад ко дворцу вернулся. Встал у дворцовых ворот и кричит что есть мочи:

– Если мне сейчас с ханом Фарухом не встретиться, у него завтра утром сын умрёт!

Как услышали слуги, чёртовы угрозы, к хану поспешили, доложили.

Вышел хан на крыльцо, руку к сердцу приложил, низко поклонился:

– О! Достопочтенный шайтан, от чего мне такую беду накликаешь? Разве я тебя чем обидел?

– Вчера моя мать в твоём саду была, яблоко сорвала, твои слуги её за это наказали, а теперь за это она твоего сына в кипящий котёл головой окунёт!

Испугался Фарух, как осиновый лист затрепетал, снова спрашивает:

– Любезный, а если я от твоей матушки откуплюсь, она моего сына не тронет?

– У моей матушки аппетит безграничный, она большой выкуп потребует, что ты можешь взамен дать?

– Отдам двоих гостей вместо моего одного сына, она согласится на это или нет?

Гаврила голову вверх задрал и размахивая руками, что-то нашёптывал, делал вид, будто с Шайтанихой говорит. Пошептал, пошептал, отвечает:

– Согласна мать на замену, давай двоих, но чтоб чужестранцы были, своих она не признаёт!

Обрадовался Фарух, что может Шайтаниху задобрить, слугам приказывает:

– Тех двоих немедленно на телегу грузите, и достопочтимому Шайтану отдайте.

– Головы рубить? – спрашивают слуги хана.

– Головы гостям рубить? – спрашивает хан у «Шайтана».

Гаврила опять сделал вид, будто с «Матерью» разговаривает. Пошептал, пошептал, отвечает:

– Нет, они ей целёхонькие, свеженькие нужны!

Увёз Гаврила братьев, а те выпалились, а утром ни как не поймут, где находятся и как они в такой нищенской лачуге оказались. А Гаврилу увидали, очень обрадовались. А как Гаврила им всё рассказал, как их ночью спас, устыдились:

– Вот так спасители, если бы не Гаврила, отправились бы в тар-тарары не в гости, а навсегда к нечистой силе.

Так они счастливы, все домой отправились.

Ехали, ехали и вдруг Чики-Брики безудержно хохотать начал.

– Что случилось? Над нами, что ли потешаешься? – Не могут остановить его братья от смеха.

А то продолжает смеяться и отвечает:

– Я с Фарух против Пошутил военный договор подписал, он с меня будет войска ждать, а я ему комбинацию из трёх пальцев буду рисовать, подпишайт и отправляйт: «Пошутил тебя второй раз, как младенца обмануйт, дурачка обставляйт, а я дурак не хочет быть!» Вот он позлится! – снова рассмеялся король.

Братья его поддержали, наконец, у них неприятные и тяжёлые чувства от пережитой ночи, стали рассеиваться.

ЧИКИ-БРИКИ С ФАРУХОМ ВОЮЕТ.

Узнал Фарух, что его Чики-Брики обманул, как зверь разъярился и тут же войной против него снарядился.

Но Чики-Брики тоже не лопух, знал, что Фарух ему обмана не простит, с письмом к Досифею гонца отправил.

Прочитал Досифей послание, сыновьям огласил:

« Гаврила-Пошутил меня от медена спасайт, а теперь на меня злой Фарух-яйца нападайт! Я за помощью обращайтесь, чтобы Пошутил меня опять от дикой зверь спосайт! А за это я свой моря ваш торговля открывайт!»

– Условия выгодные, помочь надо! – говорит сыновьям Досифей.

Снарядились братья, в поход отправились.

Прибыли в королевство Чики-Брики, а тот окна своего дворца заколачивает.

– Что ты делаешь? – спрашивают его братья.

– Чтоб злой зверь Фарух-яйца мне пострелёнка не делал!

– Ты бы лучше брешь в мозгах заделал! – смеётся Гаврила.

– Что это брешь? – лупает на него глаза король.

– Дырка, значит! – пояснил Гаврила.

– О! Ты опять пошутил! – многозначительно поднял палец Чики-Брики.

И тут дозорные докладывают:

– На горизонте войска появились!

Чики-Брики за Гаврилу спрятались:

– Я ейст прятать, а ты меня охраняйт!

– Я тебя не охраняйт а защищать приехал. – отвечает ему Гаврила. – У тебя слуги есть, пусть они о своём короле пекутся! А если смелый герой, вон, в окоп полезай, оттуда за боем наблюдайт!

Смело, уверенно корабли Фаруха к королевству Чики-Брики через море приближались, да только не ожидал, что его сыновья Досифея шквальным огнём встретят...

Понял, что впросак попал, решил их обхитрить. Сделал вид, будто отступает. Решил их в открытое море заманить, а там, на помощь сестры надеялся, что она вихрем налетит, и все судна братьев разобьёт.

Одного не учёл, что судна у братьев лёгкие да в любую погоду манёвренности не теряют, как пушинка по морю летают.

Налетела вихрем Варуха, разлетелась эскадра, плотным кольцом сдавила и на голову Фаруха разбила.

Доложили генералы Чики-Брики, что его друзья победу одержали, король приказывает:

– Белого коня королю!

Усадили его на коня, парик на голову нахлобучили. Радостный, счастливый Чики-Брики гарцует, языком прищёлкивает, рот до ушей:

– Майн Гот, ВИКТОРИЯ!

Получил Фарух сокрушительный удар на море, решил на суше счастья попытать, сдаваться на милость победителя не хочет. Собрал последние крохи, некогда великой армии, в атаку бросился...

Увидел Чики-Брики, что воины хана храбро сражаются, от неудачи не теряются, назад коня повернул и прямо с седла, в укрытие свалился, но храброй осанки королевской не теряет.

Как в укрытии оказался, выхватил из рук генерала подзорную трубу, внимательно за боем следит и командует:

– Да ты что, Пошутил! Да ты спятил Пошутил! Правый фланг атакуй! Правый! Ну что же ты, Пошутил! – Увидал, что воины Фаруха силой превосходят, в животе колики ощутил, упал на землю, корчится от боли, а потом приказал:

– Переодеть короля! – И сам от себя нос воротит...

Переодевают славного воина, а он у наблюдающего за боем спрашивает:

– Что там?

– Бегут! В панике отступают! Бегут! – кричит радостно наблюдающий.

Чики-Брики подзорную трубу выхватил и, убедившись, что Фарух в панике отступает, забыл, что ему штаны одеть не успели, из укрытия выскочил, парик с головы сорвал, над головой им размахивает, что есть мочи, заорал и вперёд побежал:

– Правильно Пошутил! Правильно! Меня слушайт и победил! Ай да Пошутил, такой славный победа одержал! Если бы я мог, сам себя бы поцеловал, что правильно Пошутил подсказал!

А как перед воинами предстал, те, сначала, втихаря прикрывшись, прыснули, подхихкивали, а потом не удержались, все расхохотались.

Сначала Чики-Брики не мог понять над, чем смеются, думал от победы всеобщее веселье, а как увидал, что без порток, а в шляпе перед войском стоит, сначала стыдно прикрывшись, а потом со всеми вместе повеселился:

– Майн Гот! Чики-Брики смелый и славный воин-король! Да здравствует король! – И погрозив кулаком в сторону бегущих разбитых врагов, гордо, с достоинством сказал:

– Я тебе кузькин мать показывайт! Будешь честь и совесть знать! У-у-ух, злой зверь Фарух-яйца!

ЛЕСНАЯ СКАЗКА-БЫЛЬ.

Приехали отдыхающие в лес, на берегу реки палатки раскинули. Осмотрелись. Птицы поют, на поляне разные цветы ковром разбросаны, кузнечики стрекочут. Благодать, да и только.

Дети по поляне разбежались, букеты собирают, срывая соцветия, кто с корнями, а кто только головки.

А кто бабочек ловит, кузнечиков для гербария. Мальчишки по деревьям лазают, кусты для костров обламывают, восхищаясь их пышностью.

Женщины пледы расстелили, праздничный обед готовят.

Сели перекусить, раздался перезвон стучающегося хрустала, убажывая слух мелодичности.

После нескольких перезвонов посыпались остросюжетные анекдоты, проводя детей в особенный восторг.

Кое-кто наслаждался нестройным разногласием, напоминающим песню, повергая тонкий слух пернатых. Те со страху срывались с веток, кружили над гнёздами в тревоге за перепонки своих птенцов.

Когда гортани любителей песен устали, решили насладиться более высоким искусством профессиональных певцов, на перебой несущихся сразу с нескольких магнитофонов.

Мечтая о вечерней ушнице, прихватив с собой взрывчатку, любители-рыболовы занялись «делом»...

Другая группа охотников побрела в лесные чащи с ружьями.

По мере, как охотники удалялись, прислушиваясь к оглушающим разрывам на реке, восхищались:

– Во дают мужики! Во дают! Куда рыбу девать будем!

– Не волнуйтесь, я солью запасся, не пропадёт, хоть до единого моряка выловим! – отозвался Иван Кузьмич, начальник цеха и организатор загородного выезда-отдыха.

Взяв на себя роль руководителя и здесь, в лесу, он обучал новичков правилам охоты, показывал, как правильно ставить капканы, разбрасывать на деревьях петли для ловли птиц, заранее предвкушая запах и вкус жареной дичи.

И вот, на конец довольные добычей, возвращались к месту расположения, где их поджидала душистая и наваристая уха.

Неподалёку от места стоянки валялись обрезки грибных корневищ, потроха распоротых рыб, над которыми роились мухи. Пустые бутылки и осколки от разбитой посуды, опустошённые консервные банки, очистки от картошки...

Снова с перезвоном стаканов отметили обильный ужин, измождённые от бурного отдыха и напитками, разбрелись по палаткам и машинам, дружно похрапывали.

Они не слышали плач и крик маленьких беспомощных зверушек лишившихся родительской опеки, обречённых на гибель.

В чаще плакала медведица потерявшая медвежонка, попавшего в руки зверя-человека, мечтавшего сдать малютку за приличную сумму в зоопарк.

Вдруг над головой медведицы раздался треск. Задрав морду увидела сидящего на дереве и хмурящего густые зелёные брови, Лешего. Тот строго спросил:

– Ты не хозяйка своего жилища?

– Хозяин леса и наш покровитель ты, а почему позволяешь подобные безобразия? – упрекнула его медведица.

– Иди в лесные чащи, собирай весь лесной народ!

– Что ты хочешь делать? – любопытствовала медведица.

– Я хочу дать волю годами молчавшему чувству!
– Не надо большей беды, что уже случилось! – замахала лапами медведица.
– Ты меня неправильно поняла, я не хочу проливать кровь, а проучить негодяев необходимо!

Собравшись около человеческого стойбища звери, полакомились съестным, а волк выпил водочные остатки и затянувшись сигаретой, побежал в кусты...

– Фу, зараза какая! – Бросил в сердцах сигарету и плюнул на неё.
– Ты волк впитываешь в себя всё дурное, не задумываясь о последствиях! Снова рыгаешь! – упрёкнул его Леший.

– У кого учиться, почитай каждый день по лесу рок – вопли да выраженья разносятся! А послушай песни, что они поют, уши вянут, мои уши краснеть начали от стыда за человека! А волчата брейк выделяют, а меня куда подальше посылать научились!... А на соловья взгляни, он раньше серенький был, а теперь в полосочку, чисто зебра от костровых дымов! Перед великими знаменитостями пел, престиж отстаивал, глотку сорвал! Только и радости остались, что от запахов в цене подорожал и теперь годен как дополнительный резерв по увеличению мясной продукции!

– А видал, что куница вчера выделявала? – бросил упрёк Лешему волк.

– Нет! – ответил Леший.

– То-то и оно, ты как услышишь звуки дикости ихней, бежишь куда подальше, а нам деваться некуда, у нас дети здесь, не бросишь! – Снова сплюнул волк и продолжил: – Так вот, как пришли молодые люди, у норы куницы расположились и начали нюхать что-то невообразимо мерзкое по запаху, а говорят, что кайф ловят. Я думал, что в округе новый зверь появился и у нас в лесу поселился, огляделся, никакого кайфа не увидел, кого ловили, до сих пор понять не могу!

Зато потом, когда молодёжь ушла, куница такую гадость во весь лес орала, до сих пор за неё стыдно!

– Безобразие, совсем я вас распустил! – проворчал Леший.

– Пора с этими безобразиями кончать! – закричала лиса. – Разве это жизнь, когда рябчиком не полакомишься! Да что там рябчик, я думать о нём забыла, живой мыши не сыщется!

– А тебе деревенских кур мало? – спросил её заяц.

– Куры есть, а чем их кормят, пестицидами да гербицидами, того гляди отравишься или в мутанта превратишься! – От возмущения, лиса стала заикаться.

– Правильно! – снова подхватил волк. – Третьего дня хотел барашком полакомиться, собаки чуть самого не задрали. Пастух дорогу в лес перекрыл, я в город подался. Иду, по запаху мясокомбинат чую, правда дух воротит, зато знаю, мясо там наверняка имеется. Оказалось, мясо пять лет в холодильнике морозится, наверное для большого привеса! Тогда я в колбасный цех подался, колбаской разговелся, а теперь ветеринара вызывать надо!

– У тебя обязательно приключения! Застрекотала сорока.

– Молчи сплетница, я не виноват, что с голодухи не разобрал, в колбасе вместо мяса крахмал да туалетная бумага!

– Голодным остался? – посочувствовал ему Леший.

– Нет, брюхо набил, а теперь в кусты сходить не могу! Или крахмал кишки переклеил, или бумага в желудке разбухла, процент проходимости утратила! Никак понять не могу!

– Вот незадача, а ты водички попей, может полегчает! – посоветовала медведица.

– Чтобы клейстер сварить или производство по выпуску самоклеющихся обоев по семейному подряду открыть! – съязвил волк.

Звери расхохотались, а Леший цыкнул:

– Тише, варваров разбудите!

И тут решил пожаловаться молчавший и терпеливо все слушающий хорёк:

– Я волка с лисой полностью поддерживаю, намедни в сарай один забрался, а там вместо кур ящик ножек буша лежит, я тоже обрадовался, от брюха наелся, а теперь весь прыщами покрылся, и шерсть облезать начала! А вдруг весь облезу, новой породы бесшёрстным хорьком окажусь, тогда по выставкам затаскают!

– Ребята, мы собрались не жалобы выслушивать, а дело делать! – сказал Леший.

Звери начали рассыпать тол вокруг палаток, а Леший строго следил и командовал:

– Понемногу! Понемногу, а то ненароком убьём кого! Мы же не люди!

Подожгли шнур, ухнул взрыв...

Ничего не понимающие спросонья люди выскочили из укрытий.

– Руки вверх! – приказал волк. – Начальнику цеха пли!

Закружившись и завопив от боли, Иван Кузьмич проснулся.

– Пригодился запас соли! – гордо произнёс заяц.

– Люди, совесть у вас есть? – строго спросила медведица. – А ещё позволяете себе называть нас братьями меньшими!

– Е-е-есть! – заикались напуганные люди.

– Тогда почему, придя в чужой дом гостями, вы гадите? Разве у себя в доме позволяете, чтобы на полу среди комнаты находилась помойка?

– Н-н-неет! – продолжали трястись от страха люди.

– А почему считаете, что в нашем доме такое возможно? – укорила медведица.

– Мы отдыхать приехали!

– Чего там рассуждать, в воду их! Рыбу истребили, теперь пусть сами икру мечут! – завопила лиса.

– Судить их! Судить! – подхватила сорока. – Пусть гнёзда восстанавливают! У них свой стройматериал на улице гниёт, а наш на кострах пожгли!

– Снять с них шкуру! – заорал волк.

– Простите, мы больше не будем! – завопили отдыхающие.

– Не будем! Не будем! Только и слышно по радио, по телеку проблему экологии решаете! А чего переливать из пустого в порожнее, какую можно решить задачу без ответа?! Гадить прекратите, тогда и задачи решаться и пустые, никому ненужные мысли в голове не будут рождаться! А проблемы сами по себе отпадут!

– А теперь убирайтесь, но поляну поправьте, верните ей прежний вид! – приказал хозяин леса.

Не за совесть, а за страх старались люди убрать следы разложений, но как ни старались, прежней, благоуханной красоты и величия, природе вернуть не могли.

– Разорванное полотнище, как ни латай, прореха остаётся! – ворчал Леший. – Что минутой загажено, одним часом не поправишь! Часом быстро и легко уничтожается, а веками поправляется и оживляется!

Выезжали гости из леса дружно, обдавая стоящих сзади зверей копотью и гарью удушящего газа.

Когда машины отъехали поодаль, раздался выстрел, другой, третий...

– Что ты делаешь? – кинулись звери к волку.

– А я солью запасаю! – расхохотался волк. – Шины братьям большим пробиваю! С почтением, как подобает, желанных гостей провожаю! С дикими варварами их методами поступаю!

– Ай-яй-яй! Тебе лишь бы поозорничать! Как не стыдно! Ты своё невежество выставляешь, а когда хамству подчинишься, безмозглой мумии уподобляешься, от которой мертвечиной разит и всю атмосферу трупным ядом отравляет! А нам лесным жителям это непристойно! – назидательно отчитала его медведица.

– Опять я во всём виноват, а я людские страсти и действия повторяю! Это, вроде бы у вас клоун, он тоже недостатки подмечает, а потом повторяет, то есть критикует!

– А если убил кого? – возмутился заяц.

– Сиди уж трусишка длинноухий, хочу, чтобы они на себе тащили своё удушающее изобретение! Когда машины на их спинах покатаются, может нам приехать отпадёт желание!

– Правильно волк поступает. Как у людей говорить, клин клином вышибают! Когда своё хамство оправдать пытаются! – поддержала волка лиса.

– Конечно, с одной стороны правильно, когда человек не имеет разума, он жесток, тогда его животным или зверем называют, а за что нас оскорбляют, когда себе уподобляют!? Пускай знают, что наше терпение не бесконечно!

ЧЬЯ ДУША ЧЁРТУ ПРИГОДНА?

Кроме клочка земли да полуразвалившейся избёнки, у Ивана ничего не было. А единственная надежда и опора у мужика была на быка.

Жил себе мужик, жил не тужил и вдруг бык заболел.

Уж Иван к быку и так и эдак, ни ест, ни пьёт животины, так и пахать не может.

Иван в конец расстроился, сон у него пропал.

И вот однажды ночью сидит мужик на крылечке, тревожные мысли одолевают, как бороться с бедой, обдумывает.

Видит, из окна сарая что-то вылетело, будто молния над головой пролетела и из виду скрылась.

На следующую ночь Иван в сарае спрятался, ждёт, узнать хочет, кто у него хороводит и мешает жить.

В двенадцать часов ночи колокола возвестили, тут чертяка явился, сел верхом на быка и давай погонять. До тех пор гонял, пока тот бессильным не свалился.

– Ага! – говорит сам себе Иван. – Ну, погоди нечистый, я тебя проучу, как бедняков обижать!

На другую ночь мужик быка в избе спрятал, а сам в сарае притаился и ждёт. Как чёрт появился, мужик изловчился, на спину прыгнул, за рога схватил и ну погонять, чертяку вдоль хребтины кнутом хлестать...

Закрутился, закружился нечистый, а мужик его крепко держит.

Видит чёрт, что так просто от мужика не отделаться, обхитрить решил, предлагает:

– Отпустишь меня, мешок золота дам!

– Ты плут известный, обманешь! – Ещё крепче вцепился Иван и держит чертяку.

Тогда понёс его нечистый в безоблачные дали...

Летит Иван над облаками, горных вершин не видно, зато звёзды вот они, рядом. Попытался звезду взять да руки обжёт.

А чертяка над ним потешается:

– Ты сначала счастье поймай, потом звёзды хватай!

– Счастье само в руки не плывёт, так просто за него не ухватишься! – ответил горестно Иван.

– А хочешь, я тебя королём сделаю, может, тогда ты себя почувствуешь счастливым? – предложил рогатый.

Мужик думал, что счастье в величестве, согласился.

Чёрт, в красавца-коня превратился, а Иван в короне очутился.

Прилетели в незнакомую страну, на дворцовой площади приземлились.

На встречу им народ поспешно выбежал, торжественными восклицаниями короля встречают:

– Наш король вернулся! Да здравствует король!

Смотрит Иван, а народ глазенками лупает, ушами хлопает, бестолково вокруг них толпятся, кричать, как можно громче стараются, аж пуп раздирают, а искреннего восторга не чувствуется.

Разочаровался Иван, с чертом своими мыслями поделился:

– От встречи со мной, у людей радости нет, одна показуха! Какое же это счастье!

– Зато ты ваше величество!

– Величие, как я посмотрю, дело непрочное! Из-под меня в любой момент тронный стул могут выпнуть! Оказывается, величие не в звании, а в признании! Поехали отсюда!

– Ну, уж нет, теперь до конца свою роль доиграй! – возразил чёрт.

Сняли Ивана с коня, во дворец провожают, а он боится, что чуть-чуть зазеваётся, а чёрт сбежит, приказывает:

– Коня моего в мои покои! – Сел в трон, конь рядом стоит, Иван его под уздцы крепко держит. А что дальше делать, не знает, у чёрта спрашивает.

– В дела государственные вникай!

А Иван туда-сюда головой вертит и плечами пожимает:

– Как вникать?

– Министров вызывай, отчёт с них требуй. Пусть доложат, что в твоё отсутствие натворили, сколько из государственной казны по своим карманам рассовали!

– Да разве они в том признаются! – смеётся Иван. – Они тебе сейчас столько дыр-прорех найдут, столько небылиц расскажут и бумагами докажут, что всякую копейку в дело применили, впрок употребили, на выгодные проценты вложили...

– Много-то не рассуждай, а отчёт ты всё равно обязан потребовать, хотя и знаешь, что сбрешут! – урезонил его чёрт.

Делать нечего, раз надо, значит надо. Вызвал всех министров, со строгим видом спросил:

– Чего без меня натворили, сказывайте, да поменьше вранья болтайте! А особенно докладывайте, на сколько тонн государственная казна похудела!

Министры наперебой сказки рассказывать начали, а Иван слушал, слушал, ногами затопал:

– Не всё сразу! Чего базар устроили! По одному врите!

Толкуются министры, каждый первым говорить не хочет, ждут, кто посмелей, или сам король кого назначит, кому красную строку начинать писать.

А Иван ждал, ждал, да и уснул.

А когда проснулся, у него ни дворца, ни министров и не только стула-трона, а и табуретки под ним нет.

Вокруг него вершины гор снегами закутаны, ветер ледяной свищет, холодом до костей пронизывает.

До слёз Иван расстроился и думает: «Вот дурак, предлагал же мне чёрт мешок золота, взял бы и дело с концом! Так ведь, нет, жадность-то, она безгранична, так же как и глупость. Сидел бы сейчас дома, горячий чай попивал, не замерзал бы в горах, а вдруг вовсе пропаду!» От таких мыслей у мужика волосы дыбом встали.

Глядь, а перед ним полный мешок стоит. Развязал мужик мешок, посмотрел, полон золота.

Обрадовался, хотел на спину взвалить, но тот тяжёлый, не поддаётся. Тогда мужик его поволок, начал с гор спускаться.

Совсем немного прошел, упал от усталости, хотел отдохнуть, но чувствует, что может замёрзнуть, надо двигаться, пополз...

Руки заоченели, мешка держать не могут, он зубами вцепился, а мешка не бросает. Снова устал, присел, огляделся, путь хочет покороче найти, увидал, что на одном месте кружит, чуть с ума не сошел.

Понял Иван, что это над ним нечистый верховодит, по кругу водит, расстроился, не знает, что дальше делать.

Вдруг слышит:

– Ну, как мужичок, получается разбогатеть?

Оглянулся, а на соседней вершине чертяга сидит, нога на ногу забросил, Ивану рожи корчит.

– Чего скалишься, дурак! Думаешь самый умный и...

А чёрт как услышал, что его мужик дураком назвал, ещё пуще от смеха заливается:

– Я дурак, иль не дурак, ещё взвесить надо, а ты в мешок загляни, над чем тужишься, надрываешься!

Заглянул Иван в мешок, а там железяки ржавые.

Как представил Иван, каким он дураком со стороны выглядит как никому не нужные ржавые кусочки тащил и самому смешно стало, и горько, и больно за себя, а чёрту говорит:

– Чего ржёшь, как сивый мерин, удалось из меня дурака сделать, а теперь отстань от меня! – Бросил мешок и ушёл куда глаза глядят.

Идёт мужик а чертяка за ним, на пятки наступает и приговаривает:

– Я тебя проучу, как с чертями разумом и силой тягаться!

А Иван делает вид, что не слышит его, идёт и посвистывает.

Тогда нечистый вперёд побежал, не унимается:

– Чего твоя душенька требует или желает? Золотишка сколько захочешь отпущу, счастье на тарелочке преподнесу! А может, трясинки болотной мечтаешь похлевать?

– Отстань! – не выдержал Иван и огрызнулся.

– Ну нет, теперь не отстану! Как в народе говорят: «Зацепилась нечистая сила за грешную душу, по гроб не отвяжется!»

– Отвяжется! – ответил уверенно мужик, а сам траву рвёт. Целую охалку нарвал, верёвку плетёт. Сплёл верёвку, на плечо кинул, дальше пошёл.

А нечистый за ним неотступно идёт, надоело ему, что Иван на него внимания не обращает, идёт так, будто рядом с ним чертяки нет, спрашивает:

– Ты для чего верёвку сплёл?

– Тебя повесить! – И продолжает свой путь.

Зашли в деревню, идёт по улице мужик, а за ним чёрт спешит.

Селяне на такую картину рты раскрывши смотрят, удивляются.

Подошли к дому богача деревенского, тот спрашивает:

– Эй мужик, ты куда идёшь и для чего верёвку несёшь?

– Стыдно почтенному такой вопрос задавать, не видишь чёрта за собой веду! – ответил Иван и не обращая никакого внимания дальше шагает.

– А зачем тебе чёрт и куда ты его ведёшь? – не отстаёт тот с вопросами.

– Мы с ним договор подписали, он для меня подрядился золото добывать! – ответил Иван, усмехнувшись.

– А нельзя ли с ним такой договор подписать? – как банный лист пристал богач. – Ты, скажи, при каких условиях он работать согласен? – не отстаёт от них богач, следом спешит от жадности, глаза как у бешеной собаки разгорелись.

– Я ему свою душу в залог положил, не знаю, что с тебя возьмёт, сам у него спроси! – ответил Иван.

Богач к чёрту обратился:

– Моя душа тебе подходит, давай я с тобой договор подпишу! – Боится отстать от них богач и вприпрыжку следом скачет.

А чёрт хвост трубой задрал, приплясывает, ухмыляется:

– С того дурака одну душу взял, с тебя сразу две потребую!

– У меня жена есть, я и её отдам! – обрадовался богач.

Услыхала его жена, на крыльцо выскочила, на всю деревню орёт:

– Люди добрые! Посмотрите, что дурак вытворяет, с чёртом сделку совершает!

Разозлился на неё муж, тоже заорал:

– Не слушайте бабу, у неё ума, как у курицы. Яйцо простое несёт, на всё село кудахчет, будто оно у неё золотое!

Послушал их чёрт и говорит:

– Ты богатый мужик, значит умный, только жаль, что не мужик, а тряпка! Тобой жена верховодит и, как генерал армией, командует!

Эти слова богача за живое задели, по самолюбию ударили, достоинство ущемили. Накинул ей на шею верёвку за собой поволок, будто тёлку на базар продавать повёл.

Идут, а чёрт со смеху надрывается, живот поджимает:

– Я скоро целую процессию устрою, как отряд дураков наберу!

А Иван у него спрашивает:

– Чья душа тебе больше по нраву?

– Оба хороши! Но тебя я понимаю и сочувствую, тебя бедность подкосила да нуждой задушила, а этому сквалыге сколько ни дай, никогда не насытится! – И сам к Ивану обратился:

– Что твоя душенька больше всего желает?

– Больше всего от тебя отделаться хочу и домой возвратиться! – И в самом деле дома оказался.

А как дома оказался, сам себе поклялся.

– Больше никогда на дармовое не позарюсь и с нечистой силой не познаюсь! С нечистой познаться – позволить ей на своей спине покататься! Она тебя как собаку на поводке поведёт, сзади подпинает, под бока так наколотит, свету белого невзвидишь!

КАК НИ СТАРАЙСЯ, ПРАВДУ НЕ СКРОЕШЬ.

В летний, тёплый вечер по небу рассыпались звёзды, луна смотрела на землю короной царицы, разбрасывая голубовато-золотистые блики.

В богатом доме Худяя отмечали день рождения дочери. Ей исполнилось семнадцать лет.

Уставшие от обильных угощений и тостов, величественно восхвалявших хозяев дома, насладившиеся креплёнными напитками, и наплясавшиеся до упаду, гости изнывали от жары, попросили открыть окна.

Струя прохладного, вечернего воздуха действовала приятным, поднимающим жизненный тонус бальзамом...

Вдруг раздался гром, в раскрытое окно влетела молния, пролетела над испуганными гостями, стукнувшись о стену, упала на стол, превратившись в огромного чёрного, обросшего густой щетиной джина.

Представ перед широко открытыми, от ужаса глазами присутствующих, осмотрев всех внимательным и недружелюбным взглядом, джин остановил взор на дочери хозяина, проговорил гроыхающе-оглушающим голосом:

– Если через три дня вы не отдадите мне свою Наталью, у вас умрёт сын от укуса змеи, моей дочери Язы!

– Зачем тебе наши дети? – в отчаянии и со страхом спросили родители.

– Ваша дочь будет царицей джинов и моей женой! – ответил тот и снова улетел искрящейся молнией.

Ошеломлённые и напуганные гости поспешили домой, оставив безутешных хозяев наедине со своей бедой.

– Господи, что же нам теперь делать? Что делать? – ломали себе руки, рыдающие родители.

– Отец! – вдруг воскликнул Елисей, сын хозяина. – Я знаю, что надо предпринять!

– Что? Что ты можешь сделать в такой ситуации? – с надеждой в голосе, обратился к сыну Худяй.

– Давайте спрячем Наталью в другом государстве, а дочь нашей служанки отдадим джину, они похожи как две капли воды!

– Сын мой, у тебя светлая и разумная голова! Ты прав, разница в возрасте на один год несколько не заметна! Джины не заметят подмены! Но кто увезёт нашу доченьку и спрячет подальше от беды!

– Я! Я увезу её, и буду хранить бережнее, чем собственное сердце и глаза! Положись на меня, отец!

– Я доверяю тебе, сын мой! И доверяю больше, чем себе! Я так благодарен тебе за находчивость, что не могу высказать! – поклонился Худяй сыну.

Отправив детей в дорогу, родители немного успокоились.

Повёз Елисей прятать сестру, благодатная и плодородная земля их родины закончилась и перед ними распростёрлась бесконечная, как им казалось, песчаная пустыня, как раскалённое железо обжигала не только ноги, но и дыхание.

Их лошади, не привыкшие к таким переходам, изнемогая, одна за другой погибали. Иссяк запас воды. Переход становился трагически невыносимым и вдруг кто-то из сопровождающих радостно крикнул:

– Колодец! Я вижу колодец! – Все собрались к живительному источнику.

Наклонившись над колодцем, чтобы набрать воды, Елисей увидал змею. Вылезая из колодца, змея угрожающе зашипела:

– Я не стану тебя жалить за обман моего отца, я постараюсь помочь тебе, если ты согласишься жениться на мне!

Омерзительно и жутко смотреть Елисею на серое, извивающееся тело змеи, обвивающее ноги, но ради спасения любимой сестры, он согласился.

Увела Яза с собой молодца в пещеру, а Наталье входить не разрешила.

– Ты так гостеприимна? Это не благородно, разлучать брата и сестру! – возмутился юноша.

– Ты говоришь о благородстве? – засмеялась Яза. – А не ты ли пытаешься разлучить с дочерью бедную женщину, вашу служанку! А она и так обижена судьбой, не имея в жизни ничего, кроме дочери! Ты подумал об этом?

– У меня безвыходное положение, – пытался оправдаться молодец, стыдливо краснея.

Не слушая его оправданий, Яза продолжала говорить:

– Разве благородно под своё несчастье подставлять чужую жизнь и судьбу, вырывая у него сердце из груди!

Нечего не смог ответить ей юноша, стоял, низко опустив голову, с полыхающим от стыда лицом.

А Яза спокойно и твёрдо продолжала:

– Я расскажу тебе одну удивительную историю, из которой ты должен почерпнуть урок и сделать вывод!

Было это девятнадцать лет назад. Жили на свете две красавицы сестры. Старшую звали Устинья, а младшую Елена. Жили они очень бедно.

Старшая, Устинья полюбила Худяя, который был тоже беден.

Отец девушки никогда бы не согласился на этот брак, так как девушка была уже просватана за старого, но богатого князя.

Девушка не хотела смириться с судьбой, бросила больного и беспомощного отца, бежала с возлюбленным.

Чтобы не накликать и без того убитую горем, старческую и беспомощную голову отца, и не вызвать гнев князя, что Устинья нарушила данное ему слово, Елена согласилась выйти замуж за князя.

Елена прожила год с князем и он скончался, оставив ей огромное состояние.

Узнав, что Елена овдовела, Худяй пошел на подлую хитрость. Нанявшись, к Елене в работники, начал упорно ухаживать за вдовой, буквально превратившись в её тень.

Сгорая от чувств, Елена плакала по ночам, боясь признать свои чувства к этому красавцу, но до бесстыдства назойливому.

А когда Худяй понял, что Елена любит его, решил убить жену и ребёнка.

В это время по стране гуляла страшная болезнь-оспа, ежедневно унося сотни людских жизней.

Заболела и Устинья с сыном, но организм женщины оказался выносливее, чем предполагал её муж. Устинья осталась жива, похоронив сына.

Выжила женщина, но всё её когда-то прекрасное лицо, до неузнаваемости было иссечено оспой.

Худяй очень огорчился, что женщина не погибла, и однажды предложил:

– Ты должна умереть ради моего счастья и благополучия, если действительно любишь меня! – И тут он признался во взаимных чувствах его и Елены.

Услыхав исповедь мужа, Устинья заплакала и призналась, что носит под сердцем ребёнка.

Немного подумав, Худяй потребовал с неё клятву молчания, а сестре сказаться женой его двоюродного умершего брата. Которую, якобы Худяй приютил из жалости и благородства души!

Устинья согласилась на его условия.

Узнав страшную отцовскую тайну, Елисей сильно огорчился, но делать нечего.

А Яза продолжила:

– Я не могу спасти твоих сестёр, но тогда умрёт твоя мать!

– Ещё больше расстроился юноша, удручённо сказал:

– Моя радость от спасения сестёр, омоется слезами великой печали от потери матери!

Но, если у меня есть право выбора, не могу ли я пожертвовать собой, чтобы окупить грех отца и смыть с семьи его позор? – умоляюще спросил он.

– Да, у тебя есть такое право! – жестоко ответила Яза.

– Что я для этого должен сделать? – с готовностью и надеждой в голосе откликнулся Елисей.

– Иди в долину змей и отдай им себя на растерзание! – испытующе посмотрела на него королева змей.

Не успел юноша приблизиться к долине, как змеи набросились на него, и обвивая омерзительно холодными, и скользкими телами, шипя спросили, кому представится почётное право укунить первой.

А самая большая, как жгутом сдавила шею и внимательно глядя в глаза, язвительно заговорила:

– Как жаль, что твоё молодое и приятно-тёплое тело, скоро станет холодным и негибаемым! О юноша, вдохни поглубже последнюю каплю жизни и внимательно взгляни на солнце, чтобы блеск лучей запечатлелся в твоём ясном, чистом и прекрасном взоре, скоро он погаснет! Но ты не волнуйся и не переживай, смерть наступит мгновенно, ты не успеешь почувствовать боль и муки!

Не выдержав её издёвок и насмешек, Елисей закричал:

– Я рассчитываю за некупаемый грех отца, но не ты мне судья, а исполнитель, не имеешь права лезть ко мне в душу и искать там покорность и страх! Я никогда не буду твоим слугой и покорно преклоняться перед тобой! Делай то, что тебе дано правом и природой!

Но тут из пещеры выползла Яза и строго приказала:

– Не трогайте его, он благородный юноша! А благородство, как талант – Божий дар и мы обязаны не уничтожать, а хранить их, как самое дорогое сокровище! Ибо они служат земле, струёй чистого, живительного воздуха! Это источник, прокладывающий путь к духовности и чистоте!

Змеи отступили, недовольно шипя, а Елисей ещё больше встревожился:

– А как же мои сёстры и мать, что будет с ними?

– Возвращайся домой и будь за них спокоен, справедливость восторжествует! – ответила Яза.

Елисей благодарственно поцеловал спасительницу, поспешил домой, но тревога не покидала его сердце. И потому, увидав на пороге встречавшего его слугу, не удержался от вопроса:

– Всё ли дома в порядке?

– Твоего отца забрал дух паралича и теперь он, прикованный к постели, не в состоянии двигаться и говорить! – ответил слуга.

Елисей облегчённо вздохнул:

– Как ни старается подлый и изменный человек скрыть истину, рано или поздно она на порог непрощенным гостем придёт! Дверь перед ней захлопнешь, она в окно ласточкой влетит! На окна решётки наденешь, она в душу мудрой змеей заползёт!

СТАРОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

Дед Кузьма и его дочка Дуняша жили у берега красивой и полноводной реки.

Старым стал Кузьма, глаза остроту зрения потеряли, сила пропала, ни рыбачить, ни охотиться, ни землю пахать не может, и продавать нечего, чтобы себе жизнь обеспечить.

Сидит Кузьма на печи, кряхтит и о своём старческом житье – бытие горюет:

– Давненько я рыбки не ел, порыбачить некому, был бы сын у меня, во всех бы делах отца заменил, а что с девки взять!

Услыхала его слова Дуняша, ответила:

– Не горюй батюшка, что я не парень, рыбачить могу не хуже, сейчас на речку сбегая, свежатинки покушаешь!

Стыдно стало отцу за свои слова, и в оправдание сказал:

– Спасибо, доченька, что ты у меня такая дельная, но всё равно мужские руки женщина не заменит!

Пошла Дуняша на речку, сети забросила, видит, что-то попало, вытащила, а там маленькая рыбёшка, бьётся да и говорит:

– Дуняшка – милашка, явись в речное царство, иначе украдут!

Испугалась девушка, рыбёшку в реку бросила, домой побежала, как прибежала, всё отцу рассказала.

Не хочется Кузьме с единственным дитяткой прощаться, но делать нечего, пришлось уступить.

Явилась Дуняшка в речное царство, а её с почётом и уважением встретили. Столы богато накрыли, разными сладостями потчуют. А потом предстал перед ней речной царь-государь, низко поклонился, ласково смотрит и просит:

– Полюбилась ты мне девица, выходи за меня замуж, сколько жить будем, словом не обижу, кроме любви и ласки ни чего ты от меня не увидишь!

А сам, хоть и на рыбу похож, но статный, красивый.

Понравился ей речной царь, Дуняша выйти за него согласилась, но жениха попросила:

– Отпусти меня, пожалуйста, к батюшке, я ему живой скажусь и невредимой покажусь, а то он шибко плачет по мне, убивается и скучает!

Отпустил её наречённый и дав сундук золота, сказал:

– Это твоему отцу подарок от меня, что он такую славную красивую девушку вырастил, пусть старость свою обеспечит.

Всё исполнила Дуняша, как жених велел, и назад в речное царство вернулась. Сыграли свадьбу с речным царём, зажили счастливо.

Много ли, мало ли времени прошло, счастлива Дуняша с мужем, а сердце её по родине тоска точит, по отцу скучает.

Однажды просит она мужа:

– Дорогой, отпусти меня к батюшке погостить, вольным воздухом надышаться, солнышком полюбоваться, да по шелковым травушкам босиком набегаться, в росе искупаться!

Отпустил её муж волей вольной насладиться и ещё отцу подарков дал.

Прибыла Дуняша к отцу в гости и узнать его не может, румяный, пригожий, с молодой женой в усадьбе живёт.

С радостью встретил отец дочку, а жена-молодица, всё около Дуняши крутится и как бы невзначай интересуется:

– Велико ли богатство у твоего муженька?

А как услышала, что у речного государя столько богатств, сколько ковшов потребуется, чтобы все на свете реки вычерпать. Глаза как у львицы при добыче разгорелись.

Вечером к мужу ластится:

– Попроси у дочери ещё золотишка сундучок, ему это ничего не стоит, а нам сгодится!

По своей простоте душевной старик и обратился к дочери:

– Пусть твой ненаглядный нам ещё сундук золота пришлёт!

Погостила Дуняша у отца, к мужу вернулась, просьбу отца передала.

Усмехнулся речной государь, но сундук золота Кузьме дал.

Как увидела молодая жена золото, тут же приказывает, подбоченясь:

– А теперь сам к рыбине иди и проси, чтоб он нам дворец хрустальный подарил, да чтоб сплошь золотом, да позументом крыта! Да чтоб по золоту дорогие каменья рисунком разбросаны! И чтоб они по ночам небесными звёздами светились а днём как жар горели и лучи солнца чтобы отражались!

Делать нечего, пошёл Кузьма на поклон к зятю, все просьбы и требования жены ему пересказать.

Выслушал его речной царь, рассердился, топнул ногой, строго сказал:

– Твоя дочь мне женой является, а таких запросов у неё не рождается! А уж ей я бы ни в чём не отказал!

– Значит, ты её сполна богатством осыпал!

Но речной продолжает сердиться:

– Мне для тебя сокровищ дать, что нищему горсть муки насыпать, но дурной голове, что давать, что не давать, всё едино!

– Как это так? – не понял Кузьма.

– А так, чем больше тебе дам, тем меньше тебе достанется!

– Почему? – удивился старик.

– У твоей жёнушки женишок есть, вчера у плетня с ним любезничала и говорила, как получит, что требует, тебя утопит, а за него замуж пойдёт.

– Не может быть такого! – не верит старик.

– Ты не смотри, что в реке живу, что на земле творится, всё знаю и ведаю! – И тут же предлагает старику: – Я тебя сейчас волной на берег выброшу, а ты мёртвым притворись, а что дальше будет, сам увидишь, и услышишь!

А тем временем, жёнушка-молодица у берега хрустальный дворец поджидала, да о другом женишке мечтала. И вот, наконец забурлила река, заволновалась, да к ногам её, вместо дворца, мужа-утопленника выбросила.

Убедившись, что Кузьма мёртв, заголосила, запричитала, чтоб вся деревня услышала.

Народ незамедлительно собрался, о Кузьме горюют.

Тут и тайный женишок явился – не запылится. Увидела его молодница, на грудь бросилась и тихонько говорит:

– Слава Богу, старый пень окочурился, только жаль, что не успел у своей безмозглой рыбины хрустального дворца выпросить!

Услыхал её Кузьма, тут же вскочил и всем, кто о нём соболезнавал, поблагодарил и сказал:

– Когда у человека ума от пятки до пупа, не ропщи, что теряешь. А коль хочешь найти, почаще к мудрым советам прислушивайся, а ещё свой разум напрягай, от слепоты избавишься! А как прозреешь да поумнеешь, афериста – обманщика, стороной за версту обойдешь!

ЖЕСТОКОСТЬ ПОРОДИШЬ – В РАБСТВО УГОДИШЬ.

В древней и давно всеми забытой стране, которой управлял царь Эфир, жила – была девушка, по имени Яира.

Девушка была влюблена в своего царя, потому что он был молод и хорош собой.

Эфир никогда не видел Яиру и ничего не знал ни о ней, ни о её чувствах к нему.

Отец Яиры был золотых дел мастером и поэтому к нему однажды приходит ближайший слуга царя, приказывает:

– Наш высокочтимый надумал жениться и поэтому ты обязан изготовить для его невесты золотые подвески, и цепочку.

Услыхала Яира эти слова, горько заплакала, но никому свою беду не рассказала, даже отцу.

Изготовил мастер заказ, собрался царю отнести, а Яира выхватила из его рук изделие, и поспешно выскочив из дома, у порога скороговоркой проговорила:

– Я сама отнесу твою работу.

Девушка радовалась, что наконец-то встретится с любимым наедине, в надежде, что он обратит на неё внимание, возможно и удостоит большим. Нагадал же ей звездочёт, что она будет царицей...

Забрал Эфир из рук девушки изделия, восхитившись украшениями, захлопал в ладоши, приглашая слуг войти.

Слуги явились, а он приказал:

– Заточить эту негодницу в башню, и чтоб я её больше никогда не видел, казнить!

– За что? – удивились немало слуги и сама Яира.

– Эта красавица может затмить своей красотой мою невесту, хуже того, может тронуть моё сердце, а она ниже меня происхождением и не имеет права на чувства царя!

Сидит девушка в сырой и холодной башне, горько плачет, что молодой красивый царь оказался таким безжалостно жестоким и несправедливым. Он растоптал красоту и унизил её человеческое достоинство.

Услыхал охраняющий её стражник, как она рыдает, пожалел, отпустил, но строго наказал:

– Беги отсюда куда подальше и больше никогда Эфиру не попадайся на глаза, и чтобы тебя его слуги не видели, иначе и тебе, и мне отрубят головы!

– Но рано или поздно меня хватятся, тогда как?

– Сейчас царь занят хлопотами сватовства и он уже забыл о твоём существовании, и больше никогда не вспомнит! Но, если увидит, тогда гибель неминуема!

Убежала Яира, долго бродила по горам и лесам, наконец, набрела на заброшенную избушку охотников, там поселилась.

Никто не мог предположить, что сватовство Эфира закончится его неудачей. Соседний царь был весьма осведомлён о жестокости Эфира, дал полный отказ.

Этот отказ привёл к полной ярости Эфира и он объявил соседнему государству войну.

А у того царя кроме прекрасной дочери Виолы, был ещё сын, по имени Мирон.

Собрал и Мирон своё войско, такой жестокий бой был, что поле брани от тел убитых прогибалось, а от крови озёрами и реками покрылось. Мирон у Эфира много пленных взял и много земель отвоевал, попала в плен и Яира.

Увидел царевич девушку, сразу влюбился.

Как прибыли домой, Мирон незамедлительно к отцу пришёл, всё о своих чувствах рассказал.

Выслушал его отец и возмутился:

– Она принадлежит тебе рабыней, а ты мечтаешь жениться!

– Да отец, иначе я не могу обладать столь прекрасным созданием. Ты взгляни на неё, и поймёшь, что она настолько чиста, что не достойна участи рабыни!

– А разве тебе неизвестны законы нашей страны, что женившись на рабыне, ты тоже становишься рабом и я буду вынужден поставить клеймо раба! И никто не вправе нарушить этот закон, даже мой сын!

– Отпусти меня отец, мы уйдём с ней и будем свободными!

Понял отец, как сильны и безграничны чувства сына, но при всём желании помочь не мог.

– Я не имею права отпускать тебя, не поставив клейма! По нашим законам раб может получить свободу, если проживёт в нашей стране без единого замечания и нареkania десять лет! – снова возразил отец сыну.

Ушёл Мирон в свои покои растерянный и удручённый, вдруг входит сестра, увидав его в безнадежно, отчаявшемся состоянии воскликнула:

– О, мой любимый брат, что привело вас в столь печальное расположение духа?

Мирон рассказал ей о печали, а она в ответ рассмеялась и как пташка защибетала:

– Мужчины настолько прямодушны, что не могут найти выхода из создавшегося положения!

– А чего можешь предложить ты, моя милая и любимая сестра! – с нескрываемой надеждой спросил юноша.

– Разве наш отец и ты забыли о том, что воин одержавший победу в бою имеет право на понравившийся ему подарок! Получив свою рабыню, ты имеешь право устроить конкурс красоты. И если девушка займёт первое место, она получит свободу! А если она свободна, но бедна, она получает огромную сумму денег! Богатая девушка будет награждена высшим титулом!

Обрадовался Мирон, благодарственно поцеловал сестру, побежал к отцу объявить о своём решении.

Выслушал отец сына, сказал:

– Разве тебе не сказала сестра, что не заняв первого места, девушку отправят на самые тяжёлые, каторжные работы!

Но Мирон настоял на своём.

И вот по городу затрубили трубы, глашатаи объявили о предстоящем конкурсе.

На следующий день, на постамент вывели всех желающих девушек, мечтавших щегольнуть красотой и искусством. После просмотра всех красавиц, начали объявлять имена участниц, а когда произнесли имя Яира, а девушка поклонилась, публика дружно зааплодировала, скандировав её имя. Она стала самой красивой девушкой их государства.

Яира получила свободу, а Мирон права жениться на ней, но при том потерял права наследия на царский трон. Женившись на девушке не царского происхождения, означало получить презрение народа.

И отправились они куда глаза глядят. Зашли в дремучий лес на них напали разбойники, хотели ограбить, но ничего ценного кроме отличительной царской медали Мирона, не нашли. Один из разбойников сорвал медаль с Мирона, на себя одел, отправился во дворец. А как явился, показал медаль царевича, его пропустили. Пришёл к царю, заявляет:

– Я Мирон!

Увидел отец медаль на разбойнике, встревожился:

– Что вы сделали с моим сыном?

Но тот бесстыдно стоит на своём:

– Если ты не объявишь меня своим сыном, я тебя назову сумасшедшим! Тогда все тебя признают таковым, и ты будешь вынужден передать мне трон! А его наследником являюсь

я, потому что я обладатель медали царевича! А снять с меня её имеют права, в случае моей смерти! Пока медаль на мне, казнить меня не имеют права!

Возмущённый царь сорвал с нахала-разбойника медаль, приказав казнить его немедленно.

Повели самозванца на плаху, а он кричит:

– Люди, наш царь сошёл с ума, не узнаёт родного сына!

Казнили разбойника, а молва о безумии царя прокатилась по всему государству.

Не выдержал старик ударов судьбы, умер.

Идут Яира и Мирон куда и сами не знают, а молва о смерти отца их догнала. Расстроились молодые столь печальной вести, а страна осталась без наследника. Забеспокоился Мирон, что без главы и без наследника пойдут распри и войны за трон, которые приведут страну в полный упадок. А больше всего боялся Мирон своего соседа Эфира, который претендует на руку и сердце его сестры, значит, только он может претендовать на трон.

Отдать страну в руки Эфира, значит, распять её или всех граждан повесить, потому что неуёмному в жестокости Эфиру, в собственной стране каждый второй грезился врагом и предателем или разбойником!

Задумался, запечалился Мирон, но на принятие трона и сана он потерял все права.

Поняла Яира горестные думы и сердечную печаль мужа, тоже глубоко задумалась и вдруг осенённая мыслью, воскликнула:

– Мирон, я пойду в город как нищенка и проникну во дворец и встречу с Виолой, она поможет тебе!

– Я потерял медаль, значит, потерял права наследства!

– Я объявлю себя царицей, твоей умершей матерью, чтобы узаконить твоё имя и право на трон!

– Тебе никто не поверит! – безнадежно махнул рукой тот.

– Ничего, люди правде не верят, а когда им ложь и лесть нашёптываешь, они не только верят, но и поклоняются!

Глубоко задумался Мирон и подумав, подумав, согласился на эту авантюру, кто ни рискует, тот не побеждает.

Проникла Яира во дворец, поговорила с Виолой и та согласилась им помочь.

Одели в одежды и украшения умершей царицы, нагримировали, вышла она на центральную площадь, обратилась к людям.

– Я обращаюсь ко всем, от малых до великих, выслушайте меня!

Сразу сбежалось столько народа, яблоку упасть некуда...

Ошеломлённые граждане увидели перед собой воскресшую из мёртвых царицу, с интересом ждали, что она скажет.

– Ваш царь ушёл из жизни, обидевшись на вас! По навету подлеца и разбойника, вы объявили его сумасшедшим, тем самым вы предали его, поверив самозванцу! Царь прислал меня, чтобы я вас жестоко покарала!

Народ упал перед ней, стал молить о пощаде:

– О! Милосердная и любимая царица, мы не поверили самозванцу, но царская власть так велика, а слава высокая, мы думали и это для него почётно! Ты всегда была милосердна, пожалей наших детей, и мы исполним любую твою волю!

– Я помилую вас, если сейчас из ста одинаково одетых юношей, узнаете своего молодого царевича Мирона, вашего защитника и покровителя! Признав за ним право на царский трон, дав безграничное право повелителя!

Народ загудел, облегчённо вздохнув, заплодировали, что могут избежать наказания.

И вот возвели на постамент сто одинаково одетых молодых людей, среди них не было Мирона, Яира снова обратилась к людям:

– Я вижу у ворот города юношу, приведите его!

Как горожане увидели Мирона, разом скандировали:

– Это Мирон! Это наш царь! Наш повелитель, благодетель и покровитель!

Так стал Мирон царём, заняв своё законное место.

А царь Эфир ещё раз решил попытать счастья, претендуя на руку и сердце Виолы.

С почётом и уважением встречает Яира гостя.

Сидит гость за столом, к еде не притрагивается, оскорбив тем самым хозяев. Украдкой посматривает на Яиру, хмурится и вздыхает.

– Что с вами, разве мы гостя не по достоинству встречаем? – любезно улыбается царица.

Опустив глаза, Эфир отвечает:

– Однажды я лишил девушку жизни!

– За что? – будто ничего не зная, спросила Яира.

– За её божественную красоту!

– Но красота не уничтожается, её боготворят и ею восхищаются! – сказала царица с доброй, открытой улыбкой.

– Девушка была ниже меня происхождением и не имела права на что-либо претендовать! – ответил жёстко Эфир.

– Будете ли вы любить свою жену? – поинтересовался Мирон, нежно улыбнувшись Яире.

– Чувств я не признаю! Каждый обязан жениться равному величию и происхождению!

– Но любовь – дар богов, награда! – возразил Мирон.

– Любовь – удел рабов и дураков! Чем больше этих червей расплодится, тем жирнее рыба, поглощающая их! А чем больше рабов и дураков размножится, тем дешевле рабсила!

Но что ему Яира, категорично возразила:

– Позвольте не согласиться с вашей точкой зрения на жизнь. Ведь вы человек, а если человек, у вас сердце имеется, в котором должно быть чисто и светло! Но ни в коей мере не должно быть замусоренной лачугой или свинарником, где рождаются и скапливаются объединение грязных мыслей и страстей, являясь рассадником низменных желаний!

Больше не желая поддерживать для Эфира неприятную беседу, он стал собираться домой.

По возвращении, Эфир вдруг почувствовал себя совсем одиноким, что защемило сердце. А поняв, что безумно, но безнадежно влюблён, одновременно вспыхнули гнев и отчаяние. Чем больше его чувства любви обжигают, муки тоски обуревают, тем больше он страдает и тем ярче в нём ненависть неугасимым пламенем злобой полыхает. А когда понял, что без Яиры его жизнь пуста и никчёмна, решил отомстить обидчице.

В надежде, что сможет её завоевать и уничтожить, объявил Мирону войну.

Делать нечего, собрал и Мирон свои войска. И снова не только дал противнику достойный отпор, но и взял в плен самого Эфира.

И предстал Эфир перед Яирой в новом качестве. В цепях, стоя на коленях, не имея права поднять глаза и окинуть взором царицу.

А она, возвышаясь перед ним на царском троне, с достоинством, строго произнесла:

– Будучи царём и повелителем, ты возомнил себя хозяином человеческой судьбы и жизни, судьёй и палачом! Сеял в мир злобу и жестокость, вселял в сердца людей страх и отчаяние, умываясь их слезами, как родниковой водой! А став презренным рабом будешь садовником. Украшая землю садами, возможно сумеешь понять, полюбить, принять, оценить красоту! Но, будешь вынужден оплакивать своё бесправное, рабское положение. Когда количество твоих слёз, на чаше весов сравняются с тем количеством, что люди пролили по твоей вине, получишь свободу!

На что Эфир упрямо возразил:

– Ты меня поучала, что человеческое сердце-дом, где не должно быть места жестокости и чувству мести! Храм, в котором каждый обязан растить прекрасный, подобный солнцу, живительный букет добродетелей, любви и сострадания!

Горько вздохнув, Яира ответила:

– Преступника заслуженно наказать – не жестокость проявить, а дать ему возможность содеянное искупить! Без искупления и у Бога не вымолить прощения!

Ещё не утратив в себе царственной осанки, гордыни и величия, Эфир не мог смириться со столь унижительным положением, всплыв, громко вскричал:

– Лицемерка! Красиво рассуждаешь о сострадании и добродетели, а на себя Божественную миссию берёшь, не видишь, кто перед тобой! Не тебе меня судить!

Царица спокойно улыбнулась:

– Какую дорогу себе проложишь, по той и пойдешь, капля за каплей поглощая яд, что вырабатывал в своей душе годами, отравляя и уничтожая всё прекрасное, окружающее тебя!

Пытаясь разорвать и сбросить с себя цепи, Эфир хотел встать, но, убедившись в тщетности своих действий, хотел закричать, но от наплывшего на него гнева, зашипел по-змеиному:

– Ненавижу! И очень сожалею, что пощадил ничтожество – замарашку! Ты не рождена царицей, ты всего – на всего...

– Я царь! Твой покоритель и победитель, преклонив передо мной колена, выслушаешь меня! – не дал ему договорить, вошедший в комнату Мирон. – Прокладывая путь власти мечом и топором, ты не стремился к познанию истины, что распорядитель чужой жизни и судьбы, предрекает свою! Не сознавая, что наши мысли, слова и деяния – бумерангом к нам возвращаются! Не оглядываясь на прошлое, и не задумываясь о будущем, играл и забавлялся, ломал, крушил и крошил человеческие судьбы в своё удовольствие!

А теперь, когда за тобой тянется шлейф грязных хвостов расплаты, сковав самому себе и накинув цепи искупления муками и страданием, ропщешь, ищешь понимая и снисхождения, а находишь виновника своей искалеченной судьбы!

С этой минуты, своим высочайшим повелением, я лишаю тебя слова в присутствии меня и царицы!

Приказав вывести Эфира, Мирон глубоко задумался, тихо произнёс:

– Да! Колесо судьбы то вверх, то вниз вращается безжалостно и беспощадно!

С тех пор, когда наступает рассвет, мы видим на травах, цветах и кустах капельки слёз жестокого Эфира, которые называем росой.

ЛЕЖАЛА ДОСКА У ДОРОГИ.

Ехал мужик, вёз доски и одну обронил.

Лежит доска на обочине дороги и думает: «Как хорошо, что я упала, а то бы меня, как сестриц на пол постелили, топтать бы начали!»

Лежит доска месяц, лежит и другой... Дожди её мочат, ветры обдувают...

Много ли, мало ли она так пролежала, засырела, пожухла и почернела. А как совсем загнила, затужила, заохала...

И вот однажды идёт мужик по дороге, увидал доску, подобрал и домой принёс, положил у печи, жене говорит:

– Мария, я на дрова доску принёс, у печи положил.

А доска лежит и на своих сестриц поглядывает, а те чистенькие, прихолощенные, краской покрашены да ещё и лаком покрытые. Блестят, радостью светятся.

Позавидовала доска своим сестрицам, а за себя горько, и обидно стало, что она тихонько заплакала.

А Мария взглянула на доску, мужа заругала:

– Зачем в дом ненужный хлам притащил? Она вся просырела, сгнила, гореть не будет, выброси на помойку!

Муж жену послушался.

О ЧЁМ КРИЧИТ ЧАЙКА НАД МОРЕМ?

Когда земля не была заселена людьми и не разделялась морями и океанами, на ней жили жестокие и беспощадные друг к другу звери.

В то время чайка была, белоснежная, огромная и самая красивая птица, являлась украшением того жестокого мира.

Любуясь ею, некоторые звери мечтали заслужить её внимания.

Однажды, это было на восходе зимнего солнцестояния, дракон похитил чайку и от радости что было мочи, торжествуя закричал:

– Я поймал чайку! Я единственный обладатель земной красоты.

Птица отчаянно забилась в лапах ликующего злодея, стала призывать на помощь друзей:

– Я погибаю!..

Услышав призыв о помощи своей любимицы, змея подползла к злодею, и грациозно извиваясь, очаровывая и завораживая изяществом, начала танцевать, чтобы загипнотизировать дракона и так освободить чайку.

Но неподалёку вдруг заблеяла овца, потерявшая ягнёнка.

От этого крика дракон очнулся от гипнотического состояния, познав замысел змеи, набросился на неё драться.

Силы были неравными, и змея позвала на помощь своих друзей...

Первым прибежал кролик, стал просить дракона:

– Я себя приношу тебе в жертву, отпусти чайку, без её красоты и очарования, земля погибнет!

Эти слова ещё больше польстили похитителю, придя в полный восторг, он гордо воскликнул:

– Я повелитель огня а обладая красотой, стану повелителем мира! Из чайки я сделаю чучело, и когда вы захотите полюбоваться её красотой, вы будете вынуждены преклоняться передо мной!

Прибежавший на помощь бык решил вразумить дракона.

– О, повелитель, всех повелителей, если погибнет чайка и все мы, то обречён на гибель и ты!

Но злой был неумолим, кичился перед ними силой и могуществом, ответил быку диким хохотом, похожим на рёв, потом ударил хвостом о землю так, что она содрогнулась, и зашатались горы.

Но друзья не испугались его угроз, и снова завязалась схватка.

Когда дракон увидел, что змея похитила у него искру, пришёл в бешенство и пустил на своих врагов бурю огня, что вокруг него образовалась непреступная стена огня.

Тогда мышка, сделав подкоп, забралась к нему промеж пальцев, начала прогрызать кожу...

Злодею сначала было щекотно, и он хохотал, но мышка упорно продолжала грызть его, что он дико взревел от нестерпимой боли, наконец, выпустив чайку.

Освободившись, чайка сказала друзьям:

– Бегите по указанному мной пути...

Но, взмахнув крыльями, вдруг застонала и упала, горько заплакав:

– У меня сломано крыло, я не могу двигаться с вами, прощайте друзья...

Увидев чайку свободной, дракон рассвирепел окончательно, что друзья его одолели, начал колотиться по земле так, что начался горный обвал...

– Садись на мои рога! – крикнул бык чайке, и они помчались прочь от злодея, спасаясь от обвала, по пути, указанному чайкой.

Но как они не спешили, нескончаемый поток сыпавшихся с гор камней настигал их, отбив быку ноги.

Заскрежетав от боли зубами, бык с сожалением произнёс:

– Друзья, я обречён, бегите дальше без меня!

Тогда лошадь укоризненно ответила:

– Разве мы можем оставить тебя в беде, садись ко мне на спину, я вынесу вас!

А дракон, продолжая преследовать спасителей чайки, обезумев от злобы и отчаяния, взлетел до самого неба, что прорвал голубую крышу.

По небу побежали тучи, да такие густые, что наступила ночная темень, начался проливной дождь, затопляя всю землю...

Спотыкаясь и падая, звери спешили укрыться в безопасное место...

И только успели они вступить на священную землю, где были в безопасности, началось землетрясение. Земля будто дышала, разверзаясь, рушилась, образуя огромные котлованы, которые тут же заполнялись водой, превращаясь в моря и океаны...

Вдруг чайка отчаянно закричала:

– Дети, там мои дети, их наверно затопило водой! – Превозмогая боль, она полетела навстречу надвигающейся бури...

Взлетев высоко над землёй, чайка увидела неоглядную гладь воды и плывущее по нему её пустое гнездо.

Зарыдав от отчаяния и невосполнимого горя, птица опустилась в гнездо.

Подхватившие её волны бушевали, то, скрывая под кипящей пеной, то выбрасывали на поверхность, унося всё дальше от друзей, в открытый океан.

– Оставайся с нами, теперь мы владыки мира и света, мы и тебе дадим год правления! – старались удержать её друзья.

– Отдайте его дракону, он так любит царствовать! – ответила рыдающая чайка, уносясь, всё дальше и дальше, по несущим её в неведомые дали волнам...

Она так горько плакала, роняя слёзы в воду, что та становилась солёной...

И вдруг услышала, над головой разнёсся радостный крик её птенцов. Они так выросли, что мать их сначала не узнала.

А вода, приняв горечь слёз чайки, с тех пор навсегда осталась солёной, а над её волнами, над бескрайними просторами летают чайки, призывно окликают друг друга, чтобы мамы могли всегда отыскать своих птенцов.